

Избранные произведения участников
фестиваля "Словенское поле - 2015",
прошедшего 25–26 июля 2015 года
в Изборске и Пскове

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2015

СТИХИ

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2015

СТИХИ

**Псков
2016**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Наталья Лаврецова
Вита Пшеничная
Игорь Исаев
Андрей Бениаминов

Оформление Андрея Бениаминова

С 48 «Словенское поле – 2015»: стихи – Псков, 2016. – 128 с.

Поэтический сборник «Словенское поле – 2015» включает в себя избранные произведения участников одноимённого фестиваля, прошедшего 25–26 июля 2015 года в Изборске и Пскове.

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© Авторы текстов, 2016
© А. Бениаминов, составление, оформление, 2016
© Псковское региональное отделение Союза писателей России, 2016

В качестве предисловия...

Почему-то каждая попытка (хотя их не так было и много) написать что-нибудь в качестве предисловия, грозит мне пальчиком, напоминая, что, дескать, смотри, не скатись до повторов-перепевов, тут делов-то.

Ну, а что бояться, если каждый новый фестиваль не похож ни на один из прошлых – мы постепенно «обрастаем» новыми участниками, мы находим новых друзей, круг наших «завсегдатаев» тоже ширится – разве не радостно от такого нашего «из года в год» фестивального шествия, пусть пока и всего-то двухдневного?

Невозможно надумать присущую ему искренность, открытость, я бы даже сказала – диковинную для нынешних-то «саблезубых» времен – распахнутость, в которую словно ныряешь и совершенно дивно себя чувствуешь там, внутри.

Не буду сбиваться в наши темы, в то, что еще только задумывается (ну, а вдруг?), воздержусь от имен и благодарностей – каждый причастен, каждый – сотворец: в большей ли, меньшей степени, но каждый.

И это здорово. На том стоим. И стоять будем.

Вита Пшеничная
поэт,
член Союза писателей России

ВИКТОР КИРЮШИН
г. Москва

ДОМ

Дом у реки — резным фасадом к бору,
Где ежевика вьётся по забору
И яблоки запутались в траве —
Как о тебе я тосковал в Москве!

Теперь уже не встретят тесть и тёща.
Приют их вечный ныне там, где роща
И тёмные дубовые кресты...
Недалеко, всего-то две версты.

Дорога непроезжая горбата
К могилам тихим: узника штрафбата,
Пришедшего с войны в бинтах сырых,
И матери, поднявшей восьмерых.

А дом стоит и сохранилась печка.
Напротив — лес, за огородом — речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль: земля вокруг пуста.

Ушёл её рачитель и ходатай,
А я всего лишь праздный соглядатай,
Не знающий крестьянского труда.
Зачем же тянет вновь и вновь сюда?

Печь затоплю, потом иду к запруде;
Всё кажется, здороваются люди,
Которых знал, а их в помине нет...
Не век прошёл, всего-то двадцать лет.

Когда уснёт закат подслеповатый,
Я возвращусь, ни в чем не виноватый,
Забытый, как портреты на стене,
В том времени, в том доме, в той стране.

СТАНЦИЯ СЛЕЗА

*Ничего не скажет Гоголь,
Промолчит, сойдет с ума.
Михаил Анищенко*

На станции по имени Слеза
Пасется беззаботная коза,
Вдали желтеет смётанный стожок
И лает недоверчивый Дружок.

Состав гремит, и рельсы как струна...
О чем грустишь-печалишься, страна?
Страна безвестных станций и дождей,
Героев и неправедных вождей.

На станции по имени Слеза
Светлы березы, будто образа,
О Дне Победы радио поет,
И яблоки старушка продает.

А впереди — тумана пелена.
Куда летишь без памяти, страна?
Страна разбитых вдребезги колеи,
Святых могил и брошенных полей.

На станции по имени Слеза
Немеркнущего неба бирюза,
Автобус переполненный пылит,
И милостыню просит инвалид.
Обычный вид — такие времена.
На каждом неизбывная вина.
Состав гремит, но все места пусты...
Скажи мне, Русь, куда ж несешься ты?

ФРОНТОВИКИ

После медсанбатов и штрафбатов –
По своей вине и без вины –
Им уже давно не до дебатов
На погостах рухнувшей страны.
Памяти зияющие дыры
Не закроют речи и цветы...
Спят в земле бойцы и командиры,
Армии, дивизии, фронты.

Позади десанты и тараны,
Сталинград, днепровский рыжий ил.
А сегодня души их и раны
Лечит сам архангел Михаил.

Не они, а мы теперь во мраке,
Раз твердят не спяну за столом –
Не добро и зло сошлись в атаке:
Это воевало зло со злом.

Жизнь воспринимаемая без идиллий,
Не хочу турысы городить...
Нас, детей и внуков, победили,
Их уже не смогут победить..

ВРЕМЕНА

Спор бесконечный обух ведут и плеть.
Тьма высылает в дозоры за ратью рать.
Можно смириться с этим
и бросить петь,
Чтобы стареть
и медленно умирать.
Не зарекайся от крови невинной, брат.
Как ни юродствуй, а всё-таки нам решать:
То ли дышать научиться,
где смог и смрад,
То ли уйти однажды
и не дышать.

Окна вокруг темны,
Закрома пусты,
Сыплется с неба последних времён зола.
А на полях вырастают одни кресты.
Много крестов...
Невесёлые, брат, дела.
Надо бы жить
И дрова поутру колоть,
Но безнадежно гнетёт и томит вина,
Словно уже разделились душа и плоть.
Словно уже...
Вот такие, брат, времена.

ДОНБАСС 2014

Срезана пулей рябины макушка,
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт
И кукует кукушка.
Дни или годы
Считает она?
Может, вот здесь,
У разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся
И крестик нательный,
Мамой подаренный,
Не сохранит.
Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напроорочила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым,
Нательным крестом?

ВЛАДИМИР САВИНОВ
г. Псков

ДОНБАСС. «ПЕРЕМИРИЕ»

*«Сатана замахнулся на мир православный,
На чертоги и храмы великих времён»
Борис Олейник*

«Перемирие» крупнокалиберно,
Как басы на рояле ванклиберна;
Ураганово, минно и градово,
Пеплом в новых пожарищах адово.
В крышах мирных домов разворочено,
В крышках детских гробов заколочено.

«Перемирие» аэропортово,
Пулей снайпера вдребезги, чёртово;
Устрашаемо танковой силою,
Недобитой под Саур-Могилою.
Без воды и тепла по полгорода,
В двух шагах от упрямого голода.

За кадык «перемирие» схвачено,
Вероломство в крови – всё оплачено
Цэрэу-шизофреновым шёпотом,
Ором в раде, майдановым топотом.
Яценючат глаза параноики,
Им мерещатся крестики-нолики.

**НЕИЗВЕСТНОСТИ НЕТ,
ЕСЛИ ПАМЯТЬ ХРАНИТ**

Ты не слышишь меня, неизвестный солдат,
В глубине-тишине безымянного леса.
Между мной и тобой поколенья стоят,
И беспамятных лет дымовая завеса.

Здесь могила твоя меж сосновых корней,
Где засыпан ты был после взрыва снаряда.
Полегла, может, рота таких же парней,
Никому не дошли ни письмо, ни награда.

Так сложилась судьба, небосвод потемнел,
Это чёрная гарь белый свет заслонила.
Или мины осколок смертельно задел,
Или пуля нашла, и пронзила... убила.

Ничего не известно. И лес не узнать.
И не лес был тогда, – обгоревшее поле.
Похоронка... Убиты, кто должен писать.
Чья-то, может, вина. И солдатская доля.

Так зачем я пришёл? Просто вспомнил отца.
Повезло лейтенанту под Ржевом когда-то:
Откопали друзья, смерть отёрли с лица.
Слава Богу, не стал неизвестным солдатом.

Там, где Вечный огонь греет камень-гранит,
Нашим внукам понять очень важное надо:
Неизвестности нет, если память хранит
Неизвестных солдат синь последнего взгляда.

НАТАЛЬЯ ЛАВРЕЦОВА
г. Псков

ДВУМ МАРШАЛАМ

Памяти первого парада Победы

Еще стоит над площадью московской
Невыветренный временем накал...
Командовал парадом Рокоссовский,
А маршал Жуков рапорт принимал.
Один на вороном, другой на белом,
На белом, а второй – на вороном...
И вся страна салютом к ним летела
От стен Кремля – до всех ее сторон!

Все позади – и только марш Победы,
Он от Москвы летит во все концы:
По Красной шли живые наши деды,
А с ними – наши юные отцы.
Прошедшие с Москвы и до Берлина,
Они в себе Победу принесли...
И был Парад тот длинный, длинный, длинный:
Война прошла – солдаты шли и шли.

Слились в едином лычки и полоски.
Был пламень губ, знамен и крови – ал.
Командовал Парадом Рокоссовский,
А маршал Жуков рапорт принимал...

И до сих пор еще в своих мундирах,
Забыв принять простой гражданский вид,

Все принимают рапорт командиры
От тех, кто был убит и не убит.

Отцам Победы – век стоять на вахте,
Чтоб верил тот убитый рядовой,
Отдавший жизнь возле далекой Шахты,
Что всю страну он заслонил собой.
И пусть меняет армия мундиры,
Пусть будет мощен техники парад, –
Все принимают рапорт командиры,
На страже мира маршалы стоят!

Один на вороном, другой на белом,
На белом, а второй на вороном,
В одну живую плоть сливаясь телом –
С лихим конем, строюю и Кремлем.
Чтобы слова о Доблести и Чести
Не оказались пущены с лотка –
Им век стоять на самом красном месте,
Где шли с Победой русские войска.

Завидуй каждый той стезе геройской,
Что в том святом строю не он шагнул...
Командовал парадом Рокоссовский.
Парад Победы Жуков принимал.

ИВАН ИВАНОВ
г. Псков

ЗВЁЗДЫ

Встретишь звёзды на пути –
К ним с поклоном подойди.
Шапку скинь. Они собою
Заслонили мир. И к бою
В полный рост, слезы не пряча,
Шли они. За строем строй....
Погибали. Лишь незрячий
Не увидит – не заплачет,
Не склонится головой.

Встретишь звёзды на пути –
Пусть горит в твоей груди
Сердце доброе. И тех,
Кто вернул и жизнь, и смех,
Помяни. Здесь на высоты
Шли бойцы на грани риска.
Вот и вышло, что с пилоток
Звёзды красные пехоты –
Вознеслись на обелиски.

МАЙ 1944 ГОДА

Солдату надо доползти
До тех кустов, до той «высотки»...
Полям давно пора цвести,
Да пахарь в выцветшей пилотке.

И вот боец в крови, в земле,
Прижавшись к кустикам покрепче,

Глядит, и видит в грозной мгле
Победы будущей предтечи.

Зажав гранату в кулаке,
Ругая «фрицев» на все корки,

«Ура» он слышит вдалеке
И гул родной «тридцатьчетвёрки».

ЕГО СУДЬБА

Вдоль по деревне я с гармошкой пройду
От дома к дому, заиграю плясовую.
Забуду я свою батрацкую нужду
И загуляю в Спас напропалую...

Я буду добрым и степенным мужиком,
Женюсь на девушке – соседке и царевне.
Ну, а поскольку близко с техникой знаком.
То трактористом буду на деревне...

А через год, и через два, и через три
Сыны появятся, как молодые клёны.
В свою красавицу – с зари и до зари –
Я буду, словно в юности, влюблённым...

В июле 41-ого уйду,
Громить врага под стены Ленинграда.
И там, на Пулковских, убитым упаду...

Рыдай, рыдай гармонь у палисада.

ЛЮДМИЛА ТИШАЕВА
г. Псков

ТВОЙ ПСКОВ

Каждый шаг мой с тобою здесь связан,
Каждый вздох мой тобою наполнен –
Всё, чего ни коснулась бы взглядом,
О тебе, мой любимый, напомнит.

Вот «Апостолам равная Ольга»
Загляделась на Кром за Великой –
Сколько дум передумано только
За работой над Ольгиным ликом.

У Псковы есть на доме окошко,
Присмотритесь: сидит голубок там –
Не спускается он на кормёжку,
Не кружит над рекой неглубокой.

Через мост, где ходил ты так часто,
Прогуляюсь до центра немного –
Скромный памятник «Псковской печати»
Примостился у самой дороги.

На Союзе художников «Силин»
Взгляд к себе привлечёт мой надолго –
И откуда взялись в тебе силы
Завершить, что считал святым долгом?

В зал войду, залюбуюсь на «Еву» –
Эта «вещь» быть в музее достойна.
Как в работе душа твоя пела!..
Перехватит дыханье невольно.

Есть на Псковщине «Гёцентов», «Минин»,
И «Штандарт», и аллеи Героев;
Жаль, «Довмонта» уже не увидим –
Ведь, талант свой унёс ты с собою.

Наше прошлое в спину мне дышит –
Счастье, горести, встречи, разлуки...
Что же может быть Пскова мне ближе –
Края, ставшего родиной внукам?

ОСТАНОВИТЕ ВОЙНУ, СЫНЫ

Огнём объят Юго-Восток,
Рыдает ненька – Украина.
Кто бойню учинить здесь мог
И обратить Донбасс в руины?

Дерутся насмерть пацаны –
Ребята – «хлопцы» и «мальчишки»,
Приказы «сверху» им даны...
А им одни читали книжки.

Пал навзничь парень Николай
От пули парубка Мыколы –
Команду кто-то дал: «Стреляй!»...
А тот в одну ходил с ним школу.

Прервал Никита жизнь Сашка,
Взял Сашку на прицел Мыкыта –

Ничья не дрогнула рука,
Как будто память в них убита.

«Сыночек мой», – рыдает мать,
«Мий сы́ночку», – голо́сыть маты,
«Зачем же было направлять
Вам друг на друга автоматы?»

Кто виноват из вас, кто прав? –
Судить лишь Бог имеет право.
Не залечить Украине ран,
Не выплакать всех слёз кровавых.

Опомнитесь уже, сыны,
Опомьятайтесь вже, сыно́чки –
Довольно, хватит нам войны!
Поставьте в смертной драке точку.

Никто не сможет, кроме вас,
Мир возвратить на Украину...
Шепчу молитвы за Донбасс,
За чьих-то «сы́ночку» и «сына».

Они свое отвоевали.
Хотелось жить да поживать.

Мальца из Горловки забрали,
Затем, чтоб с «Рашей» воевать.

И через полчаса пойдут...
-Комбат, да у мені ж тут дід,
Хиба ж я не доїду до діду?
Комбат сказал ему: Ходи.

Что там за дед, что за обуза,
Не знал комбат, что там живет
Герой Советского Союза,
Что им он внука не вернет.

Пацан пришов, а діду – равно:
Москаль, хохол, иная муть.
Единую, святую Правду
Бог присудил принять ему.

Под Харьківом, чрез суток с двое,
Когда закат был жовт и ал,
Хотел тот парень стать героем,
Своего діда донимал.

Дрались в Смоленске, в Сталинграде,
Прошло с тех пор немало дней.
И правнук спрашивает: «Прадед,
За что ты убивал людей?»

Старик – за девяносто будет,
После инсульта слеп и хром,
Ему ответил: «Эти «люди»
Детей рубили топором».

И снова спрашивал «дитына»,
На старика в атаку шел:
«А как же, діду, Украина?
Ведь «це Европа, коли шо».

Пёр истерично и крикливо,
И наседали и обвиняли.
В итоге, как всегда, про пиво,
Которое старик «отнял».

Старик пришел домой в раздумье:
И жизнь ветха. И грань лиха.
Лег на диван и ночью умер,
Как жить, такое услышав?

А правнук, перед старым смелый,
Прошло всего-то ничего,
Узнал: в Донецке под обстрелом
Погибла девушка его.

И вот когда сожгли Одессу,
Лег Мариуполь, недвижим,
Он записался в ополченцы –
Пошел за прадедом своим.

Нацистам не давая спуска,
Мы забываем об одном:
У нас ведь тоже «Русь для русских»
И пахнет летом. И войной.

Некуда бежать,
Незачем лететь.
Не пристала ржа
Горней пустоте;

Отупляла ложь,
Убивала быль;
Ничего не ждешь –
Пепел да ковыль.

Не на что менять
То, что не имел:
Что не про меня,
То и не по мне.

Что не приобрел,
То и не пропил,
Словом, не орел,
Пепел из стропил.

Голова в пыли, –
Рыжая во ржи, –
Далеко, вдали
Выжил или жив?!

А теперь терпи,
Сотня метров – дом.
Вот он я в степи:
Пеплом – ковылем.

* * *

Взаимности не требовать взамен,
Хоть обещали раз тебе и тридцать,
Любых границ, – от потолка до стен,
Да Бог с тобою, были бы границы!

Препятствий нет, но кто же виноват,
Что мы с тобой не встретимся глазами?
Обязан был сказать тебе слова,
Но этих слов, прости, еще не знаю.

Быть вместе нам дано и суждено
Вселенской силой – не бывает выше.
Не в этот день, не в завтрашний –
в иной.
Потише, люди! Ангелы не слышат.

СВЕТЛАНА КОНЕВА
г. Санкт-Петербург

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ ПОЛЯХ

*Светлой памяти ветерана Александра
Матвеевича Гусарова и памяти всех юных
минёров Великой Отечественной войны
посвящается*

В учебниках школьных о них не писали.
Немного было у них в арсенале.
Порядок армейский был строг или скуп:
Из ржавой железки дал мальчику щуп,
Да тросик стальной метров пять (и молись,
Вверяя набору минёрному жизнь...)

Войска продолжали на запад гнать фрицев.
Мальчишки вздыхали: «Эх» Раньше б родиться!
Не выпало счастье нам в бой «на ура».
Эх! Кабы на фронт – берегись немчура!»
Фронт дальше катился, гремя и сверкая,
Смертельные метки в земле оставляя.

Они и сейчас отзываются эхом,
А в сорок четвёртом в поля не заехать.
Как сеять-пахать? И пешком не пройти –
На каждом шагу может в прах разнести.
Тогда объявили призыв небывалый
Мальчишек, девчонок, чей год «запоздалый».

Для фронта кто мал – для минёров сгодится.
И дети пошли, чтоб чуть-чуть подкормиться.
И сколько их было, и сколько их пало,
И сколько полей безопаснее стало
Стараньями этих мальчишек, девчонок,
На смерть от ошибки одной обречённых...

Салютом Победа взвилась над Отчизной,
Процесс Нюрнбергский идёт над фашизмом,
Где был обвинения пункт и такой:
«Вы гнали детей Гитлерюгенда в бой.»
В ответ о минёрах советских вопрос,
Кто также в солдаты ещё не дорос.

И вышел секретный приказ по стране:
«Их не было. Те, кто погиб – на войне:
От лютых бомбёжек, в блокаде, в плену.
Да мало ли где?! Всё списать на войну!»
Но были они. Те, кто выжил. Их малость –
Десятая часть от призыва осталась,

Как память живая событий особых,
Когда для погибших не делали гроба.
В него собирать, просто, нечего было,
Лишь чистое поле – подростку могила.
История знает такие моменты:
Секретные вскроются, вдруг, документы,

И новые факты, ломая барьеры,
Вернут в справедливость и истину веру.
Пора наступила минёров-подростков
Вписать на страницы истории взрослой,
Истории зрелой, как мудрая память,
Той, что не зазорно потомкам оставить!

И где-то в полях ленинградских окрестных
Мальчишку-минёра со щупом железным
И тросиком тонким (пять метров для жизни)
Из бронзы отлить за спасенье Отчизны.

ПОЕЗДКА ПО СТАРОЙ ПРОСЁЛОЧНОЙ ДОРОГЕ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Где «плескаву» – воду древних рек
Сторожат таинственные ели,
Где асфальта не было вовек,
Мы на птиц испуганных смотрели:

Чудиком чубатым выбегал
Чиби́с на дорогу торопливо,
Аист величавый мадригал
Исполнял в полёте горделиво.

Битая дорога в сельский край...
Люди в деревнях глядят серьёзно,
А вокруг – полей зелёных рай,
Да руины бывших ферм колхозных.

Здесь когда-то тучные стада
Направлял пастух рукой умелой,
И шумела жаркая страда,
И в подойник молоко звенело.

Всё прошло, забылось, и травой
Старые стропила зарастают.
Только аист каждый год весной
Выводить потомство прилетает.

Доброго тепла родной земли
Ждёт полгода преданная птица,
В африканской солнечной дали
Перезимовав, домой стремится,

Верит, что настанут времена –
Вновь поля наполнятся стадами,
И воспрянет древняя страна,
Сёлами гордясь, как городами.

Нам бы эту веру перенять,
Да не допустить её исхода,
Чтобы аист прилетел опять,
Чтобы было продолженье рода.

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛИН
г. Москва

МАЙ, СИРЕНЬ, ПОБЕДА

*В мае 1945 в Венгрии, Чехии, Австрии
солдат Советской армии встречали букетами сирени.*

Весна в Европу принесла
Желанный мир и свет весенний-
Источник щедрого тепла...
И из убежищ по ступеням
Навстречу вышли чех и бош,
Мадьяр, словак и герр австриец,
Нет, от свободы не уйдёшь,
Её несли вам из России,
И не гадай какой ценой,
За жизни куплен день весенний.
Что благодарен всей душой
Охашкой выскажешь сирени.

ВЕСНА 1914

Блеск серебряный тускнеет
Кокаином и абсентом,
А рожна какого нужно
Творческим интеллигентам?
Отчего там, в сельских храмах,
На иконах плачут лики?
Может завтра в куче хлама
Ляжет мир, согласьем зыбкий?

.....
Спят последние монархи,
Императоры, султаны.
Снятся им чужие страны,

Видятся чужие плахи.
Был бы повод. Спичка – порох.
Арсеналы, как ежики,
В ожиданье схватки скорой,
Ощетинились, но тихи.
Чёрный ангел над Европой
Развернул, как крылья, тучи.

.....
Ну, чему нас войны учат?
Лишь поглубже рыть окопы.
Ствол длиннее, толще гильзы,
И ещё токсичней газы.
Не жалеть чужие жизни.
А добру? Добру – ни разу.

ИЗБОРСК

Братец Трувор, ау!, Братец Трувор, привет!
Умер ты молодым.
Больше тысячи лет
Прошуршало по землям, былъём поросло
Стала сдержанной щедрость, отточенным зло.
Переврали про нас, всё что только могли.
Где там Рюрик в пыли,
Где лежит Синеус?
А какой у земли
Кровью сдобренный вкус?
Всё расскажут учёный и выживший трус.
Ложь! Со свечек сползающий воск.
Не оплыл, не осел древний витязь – Изборск
В мягких лапах когтистых горячих лучей
Звон хрустальных подвесок Словенских ключей.
Также слышится скрип в колее колеса,
И поэтов твоих всё звучат голоса.

РУКОТВОРНЫЙ ВЕЗУВИЙ

*«В чудную августовскую ночь Смоленск представлял
французам зрелище, подобное тому, которое
представлялось глазам жителей Неаполя во время
извержения Везувия».*

Из дневника Наполеона, август 1812 г.

Август-зарничник в тот год накануне беды
Мёд золотой разливал в крутобокие тёплые крынки,
И в три погибели гнулись под тяжестью яблок сады,
А на припёке блестели уже паутинки.

Только повадились чёрные птицы в сады залетать,
Хлопали крылья, от гомона, клёкота, грая не стало покою,
Слышно, выходит на берег днепровский опять
Белый, как смерть, огнедышащий конь к водопою.

Яблочный Спас по садам не успеет отведать плодов,
Градом железным побьёт и деревья, и Божии храмы.
О, терпеливая вечная родина вдов,
Не возводи городов под чужие казармы!

По-над пожарищем стелется приторный дух
Яблок обугленных, спёкшихся на искорёженных ветках.
Сморщилась кожица, будто на личиках дряхлых старух,
Древние стены – в кровавых потёках, ожогах и метках.

Долго ль платить нам столь горькой и страшной ценой
За неуёмную спесь иноземных безумий,
Чтоб честолюбец заезжий опять любовался собой,
Гордый за маленький, свой, рукотворный Везувий!..

ЧУДО ГЕОРГИЯ

Георгий вырос прям и строен.
Но мир ему был не под стать.
От века мир неладно скроен
И надо многое менять.

Пылал огонь на косогоре.
Кумир кровавой требы ждал,
А лютый страх деревни зорил
И род на род войной вставал.

Георгий шел по горям смрадным,
Где только – остовы домов.
Глазело пламя кровожадно
Из мирных отчих очагов.

И должен был сыскаться кто-то,
Чтоб исчерпать себя до дна,
Кому нажива – не забота,
Кому живот свой – не цена.

Притихли океан и суша
И мрак окутал небосклон,
Когда за человечью душу
Сразились Всадник и Дракон.

Воды и пламени объятья,
Где свет неотделим от тьмы,
А полымя от водосвятья
Неопалимой купины.

Не завершился бой вселенский.
С тех пор в любом краю земли, –
И на Балканах, и в Смоленске, –
Идут незримые бои.

И да пребудет веры сила
Неколебима и крепка,
Чтоб зло без устали разила
Победоносная рука!

МЕРКУРИЙ СМОЛЕНСКИЙ

По низинам дымы смолокурен,
Храм столетний, глухие места.
Здесь и вырос преславный Меркурий,
Светлый воин Петровского ста*.

Вот полки злочестивого хана
Надвигаются, словно гроза,
И слаба городская охрана,
И у страха большие глаза.

Но выходит с врагами сразиться
Воин, как и пристало ему:
Раскалённого солнца зеница
Разрывает татарскую тьму.

Пресвятая, великая Мати,
На исходе нелёгкого дня
Не разнимут веки объятий
Впережку враги и друзья!

Тех, кто в мире на подвиг родился,
От забвенья и тленья спаси.
Долг исполнен, твой жребий свершился,
О, Меркурий, заступник Руси!

Солнце клонит на запад устало,
От росы поседела трава,
И в траву спелым колосом пала
Удалая его голова.

Но с тех пор, – из далёких просторов
Подобрав его шлем золотой, –
Светлый месяц обходит дозором
Град Смоленск, как дружинник простой.

*Смоленск в древности делился на «концы» и «сотни»

ВЛАД ПАВЛОВСКИЙ
г. Москва

* * *

Дождило на Покрова,
Трещал пулемет-малюта,
Адамова голова
Германца пугала люто.

За право России быть
Давили собой туманы,
А ветер, уставший выть,
Зализывал наши раны.

За каждый скупой аршин
Холодной земли рыдали,
Сминая броню машин,
Волну из людей кидали.

За Веру, Царя и Русь
Вдали от родного дома
Вчера и теперь дерусь,
И выгорю, как солома.

Война – никакой не ад,
А закись крови на поте.
На поясе пять гранат,
И снова вставать пехоте

За будущие дожди,
За теплую мякоть хлеба...
Маруся, домой не жди,
Из бойни я выйду в небо.

* * *

Гламурные дивы пускай говорят
О том, что нацисты несли нам прогресс.
Я вижу, как мальчишки в танке горят,
Как рвутся овчарки прочесывать лес,
Как жгут полицаи дома партизан,
Как пламя берёт стариков и детей...
Ты можешь, конечно, не верить глазам,
А верить брехне иностранных сетей.
Ты можешь урвать у великой страны,
И даже на деда плевать с высоты,
А он воевал, чтобы глупая ты
Не знала ужасные лики войны.

ФИТИЛЁК

За порогом не мое время,
Только душам взаперти душно.
Мой народ сегодня так, племя.
Затуши-ка фитилёк, слушай.

Занемевшая рука – мелочь,
Миокардом за людей рвался.
Не успел же ни черта сделать,
Может, просто не за то брался?

Неужели с ветряком бился,
Принимая на хребет лопасть?
Надо рвами головой взвился,
Да увидел окоем пропасть.

За пророка не хочу, трушу,
А кричать уже давно поздно.
За Уралом подают суши,
Ветер юга шашлыком в ноздри.

Всюду ядами шипят жала,
Расставляя по углам мышек.
Принимаю лошадей ржанье
За насмешливый укор свыше.

Затрещали да по швам скулы,
Боже, слышу как звенят вены.
Неужели поперек Тулы
Нашим детям городить стены?

Закремляются едва боги,
Сразу ворон да шакал рыщут,
Обрекая на террор многих,
Неприкаянных слепых нищих.

Демократа разыграл демон,
А свободы – просто дань моде.
И хотя запрета нет в темах,
Ничего же не сказал вроде.

Наша воля не нужна даром,
Кнут и пряник – не богат выбор.
Скоморохам помирать в лаврах,
Прозревающим всегда дыба.

Примеряю на лицо маски,
Я такой же как и ты ушлый.
Доживем ли до конца сказки?
Запали-ка фитилёк, скучно.

В ЗАКАТ

Иду в закат,
И ветру внемлю,
И солнцу, что устало греть...

Там человек ложится в землю,
Не успевая постареть.
Там одиночество и сети,
Но как френдленту ни крути,
Перебиваясь в интернете,
Живую душу не найти.
Там унижают за глаголы
И обижаются на власть.
Там всё испортили монголы,
И стало подвигом украсть.
Там не зовут восстать из пепла
Людей труда, героев битв.
Там православная окрепла,
Но знают стоимость молитв.
Там перекормлена столица,
А веси рвутся околеть.
Там слишком дешёво напиться
И слишком дорого болеть.
Там на колёсах каждый пеший,
А полисмены при седле.
Там чудеса!.. там бродит леший,
Там бабки всюду – на метле.
Там дури много, лени много,
Зато нема жующих кат!

И, слава Богу, там дорога...
И ты, смотрящая закат!

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
г. Псков

ВСПОМНИМ ЛИ МЫ?

Вспомним ли мы, как из куска необработанной тьмы тонкая чья-то рука создавала холмы?..
Слово во тьме пробивалось, как чахлый росток, каждая малость являлась в назначенный срок.

К первому сроку огнями забрезжил восток, вызрело слово – второй отпечатался срок, к третьему сроку словами заполнился плёс...
Не было только того, кто бы их произнёс.

Как-то прослышал народ от безумцев седых будто в пустыне живёт человек со звезды.
Криками полнится высь, приготовлен венец:
«Авва, Учитель, явись и реки наконец!»

Мир содрогнулся впервые за тысячи лет, дрогнули недра земные и оси планет.
Город гудит безголово, как жерло печи, неизреченное слово вот-вот зазвучит.

Близится вечер, и названный близится срок.
Вот, благодатью отмечен, выходит пророк, в белых одеждах похожий на пламя свечи.
Смотрит с надеждой и молвит одно: «Помолчим».

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе кто-то грустит обо мне, при потушенном свете, при полной луне, – словно я, погружённый в мерцанье веков, первый в сонме непонятых полубогов.

В этом городе холоден каждый напев, оттого ли, что чёрен и праведный гнев, оттого ли, что праведна вера одна, но душа не полна, и на треть не полна.

Я тебя поведу и поведаю весть, на беду ли, на счастье, какое ни есть.
Вот и первая дверь, видишь, – невдалеке, рядом девочка с ключиком в белой руке.

Эта девочка – вещь веретено, ей дано быть и светом, и тенью дано.
Подари ей безделицу, сказкам поверь – и она приоткроет заветную дверь.

Ты поймёшь, что у прошлого нет берегов, и впервые познаешь друзей и врагов.
Но бессонная юность растает, как дым, – ты увидишь богиню с ключом золотым.

В этой женщине плещется млечная мгла, на запястье луна полукругом легла.
Если с ней доберёшься до самого дна, все земные секреты раскроет она.

Ляжет карта, откроются дверь и окно, всё случится, что было тебе суждено...
Ну а после, в одну из безлунных ночей, ты увидишь старуху со связкой ключей...

В этом городе кто-то грустит обо мне, при потушенном свете, при полной луне, – оттого ли, что праведна вера одна, но душа не полна, и на треть не полна...

ВРЕМЕНА

Мы грустим временами
по былым временам.
Время жертвует нами –
неподвластное нам.

Одиноких рассветов
серебрится сурьма.
Всё, что было напето,
разошлось задарма.

Ударяет по струнам,
пригубив благодать,
поколение юных,
не умеющих ждать.

Мы мудрее едва ли,
расплескавшие жизнь –
откровения ждали,
только не дождались.

Вдоль дворов обветшалых
время нас сторожит,
и незримое жало
возле сердца дрожит.

Страж безмолвный и вечный,
что глядишь с высоты?
Наши мысли увечны.
Наши души чисты.

Перед веком недужным
мы себя сберегли.
Лишь ко времени нужных
слов сказать не смогли.

Мы грустим временами
по былым временам,
заблудившись в тумане,
превратившись в туман...

ЮЛИЯ КРЫЛОВА Санкт-Петербург – Тверь

* * *

Мальчики режутся в танчики, красных купают коней
и в белом белье убегают — умирать на войне,
играя в бессмертие, в эльфов и колдунов,
но никто с белоглазой встретиться не готов.

Солнце ласкает макушку маминою рукой,
букашки ползут по рубашке, и ползет над рекой
цвета твоей рубахи белое полотно
и расплзается красным маленькое пятно.

* * *

И льется песня ржавою водою,
слова которой стоило б забыть,
но я пою и в этом водопое
бегу по волнам памяти в заплыв
по ванне белой, чей язык шершавый
мне гладит спину ласковой, чем ты,
и в зеркало в разводах этой ржави,
как в символ разводящейся четы,

смотрю я, вспоминая нашу речку,
что течь могла быстрее, чем наша речь,
и наши обручальные колечки
от камешков в ней расходились. Лечь
хотелось в лодку и смотреть на небо,
как месяц, подражая нам, в нем плыл.
А через год единственным ты не был,
а вот любимым ты, пожалуй, был.

Похрустывая яблоком зеленым,
я Евой не кажусь себе уже.
Плыву теперь в объятиях зевоты
над пропастью в водопроводной рже
и более всего боюсь я пробку
изъять из мира с бездною без дна,
где нет тех звезд и месяца, где робко
уходит из строки – вода... вода...

ПРОГУЛКА

А.Л.

в маленьком городе где каждая хата с краю
не любовь бесконечна ряды дощатых заборов
где раз в месяц проходит скорый
и никто его не замечает

где все тебя знают и каждый прохожий знакомый
где крик петуха звучит как песнь Соломона
где все ждут от соседа динь-дона
и поэтому вечно дома

где хранит тебя рухлядь иконки родные стены
с цветочками зла завядшими на обоях
подоконник на нем растенье
солнцем залитое и водою

где женщина лет за сорок с гусиной кожей
вспоминает по праздникам как она с ним летала
и зеркало каждое в чем-то схоже
с одной из картин Шагала

где в субботу скрипач на раскаленной крыше
Мендельсона играет и ест незрелые сливы
где я слава Богу себя не слышу
где себе я кажусь счастливой

Так, глядишь, разговорами себя тормоша,
наговорю-нашепчу стихов, да только надо ли?
Какой утром очнется моя душа,
если вчера мы с ней в беспамятство падали?

Чем завтра наполнится твой день,
Если сегодня стало другой эпохой?
А мимо – люди... чужие... совсем не те,
к которым прирос
взглядом, улыбкой,
вздохом...

Я не знаю, чем тебе ответить
на упрёк...
Видишь, от дождя прозрачны сети –
нити строк
растянулись ниже, ниже, ниже
суть дробя,
вот и мне становится всё ближе
часть тебя.
Привыкаю узнавать твой образ,
взгляд, кивок...

Хоть несхожий с прочими, твой голос,
так далёк...

* 1

На Парнасе бродят темы,
по невидимому кругу,
у Пегаса седоков не счесть...
Смело тычет ногу в стремя,
чей-то друг... А, вон, подруга
норовит хоть как-нибудь залезть.

** 2

И опять мрачнеет небо,
наливаясь цветом лавы
над такой же мрачною рекой...
Эх, Парнас!.. Не был ты – небыль! –
погремушка ли, забава:
звона – много, пользы – никакой...

*** 3

Не спеши, мой человек,
что твоё, то не исчезнет,
суету в себя не допусти
И услышишь, как под вечер
Для тебя слагает песни
Кто-то, с кем совсем не по пути.

* * *

Тучное небо над старым железным вокзалом.
Локомотивы – как будто двуглавые птицы.
Дизельным маслом натёрты полозья и спицы –
Легче скользится из кузни в литейную залу.
Птицы в ремонте. Их перья – в почистке,

в починке.

Ставят колёса, меняют цилиндры, каретки.
Есть, говорят, к океанам железные ветки.
Значит, пора снаряжаться по южным тропинкам.
Значит, не время сидеть у окна над котельной:
Семь стеллажей и сливовое дерево в кадке.
Стулья без спинок – они не боятся усадки.
Есть, говорят, к океанам фургон карусельный.
Есть, говорят, к океанам канатные рельсы.
Кран мостовой не под крышей скользит,

а под тучей.

Есть, говорят, магистрали – железной и круче,
Там, где беззвучно стучат перелётные рейсы.

* * *

Для будущих ёлок в Немении вам – Жар-Птица!
Мгновенье, и санки привязаны к колеснице.
И поезд заснеженный – узкой, широкой колеей...
«Я буду писать».
«Я не буду».
Поди одолей-ка
У силу холодную – дунет на окна узорно,
И вот вам ледовый дворец, и – прощайте, покорно!
И двери в морозных наклейках: снежинки,
снежинки.

О, табель о рангах! О, вечность! Не хватит слезинки,
Чтоб вымыть осколок и сердце смягчить и оттаять.
Поэтому – жаркая птица. И жгучая стая
За санками мчится и перья роняет по следу...
«Я буду скучать».
«Я не буду».
Я тоже уеду.

* * *

Мне кажется, если к тебе прикоснуться словами –
Господь поразит язык.
Метель, а в корзине – младенец;
Барашки, солома.
Я только в гостях, но когда-нибудь буду как дома.
На ёлках звенят колокольца... Когда-нибудь
встану впритык
К воротам, к просящим – в заснеженных
шальных-тулупах.
Монетки-ладошки... За каждую: «Дай-то вам Бог...»
Канатом в иголку паломники разных эпох
До самой Канавки проходят и щедро, и скупю.
Сосед мой безногий на ящичке стелет ковры:
В них – ладан, и масло, и мёд, и товары младенцам.
Идёшь на Голгофу – протянут тебе полотенце,
Идёшь в Вифлеем – обозначат звезду и дары.
И будем как дети, как сёстры, сухарики печь.
Пшеничные, квасные – ставить в чугунные ниши.
Молебная пряжа... Волшебные палочки свеч...
И бисер снежинок – под ноги... под крылья...
под крыши...

ВАЛЬС НА ВОЙНЕ

Тишина, но страшная такая,
И не слышно шелеста травы...
Майский ветер, глядя и лаская,
Не спасает от ночной жары.

Вдруг... округа спавшая проснулась –
Ритмы танца разбудили тишь,
Солнце к полю боя прикоснулось,
И взлетел свободно в небо стриж...
Громко пела в блиндаже пластинка –
«Мирный» вальс звучал среди войны:
Отдыхали после поединка
Славные защитники страны –
Юные безусые мужчины,
Не у всех ещё был школьный бал...
Эшелон военной злой машины
Тех ребят на смерть завербовал...
Карандаш, клочок бумаги жёлтой,
Милой фотография в руке...
Пуля просвистела, как иголкой,
Рванный след оставив на щеке...
Быстро так... Никто и не заметил,
Как потух горячий взгляд бойца –
Паренька, что не пожил на свете
И не ждал такого вот конца...

Поле боя смерть гуляет злая,
И кружится в вальсе тишина...
Жаль: мальчишка даже не узнает,
Что сегодня кончилась война...

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Честь имею! Важные Слова –
вдохновенны, громки: Честь имею!
Шире плечи, выше голова –
каждый долг за Русь отдать сумеет,
лишь нагрянут трудные года,
что отважных рыцарей рождают...
Родина, как мать, за них горда
и любовью вечной награждает.

Присягая верностью царям,
Знамя преклонённо целовали.
Смелости своей благодаря,
ворога с позором прогоняли
и сынам служили как пример –
будущим защитникам России.
Званье гордо носит офицер –
равных нет ему в уме и силе.

И блестят веками купола,
и горят кокарды и погоны –
два российских золотых крыла –
честь и совесть Северной Короны.
И на все лихие времена
о победах громко вторить звонам...
Не падёт высокая цена
чести, благородству и погонам!

Честь имею! Славные слова!
Снова раздаётся – Честь имею!

КНИГА ПАМЯТИ

*Посвящается Александре (11 лет), Дмитрию
(5 лет) – сестре и брату моего отца,
сожженным карателями в 1944 году.*

Я читала всю ночь, разболелась душа,
Хоть и раньше все это я знала.
Где-то в стареньком доме, забвеньем дыша,
Фотография Шуры лежала.

Ей одиннадцать, нежный овал у щеки.
И глаза смотрят прямо и смело.
Мне казалось грустны, иль всему вопреки,
Я их грустными видеть сумела.

То, что сделают с ней, все еще впереди.
Малолетняя жертва эпохи.
И застряли занозой острой в груди,
И напомнили книжные строки.

«Евдокия – ребенок», всего восемь лет,
И расстрел в мае сорок второго.
«Партизана сестра»... Ну, скажите мне, нет,
Как взрастили вы зверя такого!

Вы пришли побеждать, никого не щадя.
И на силу обрушилась сила.
Но не ваша, не ваша была здесь земля!
И детей не на бойню растила!

Книга памяти, сколько здесь детских имен,
И приписка – сожжен, иль расстрелян!
Вы, культурная нация, ждали поклон?
И поклон вам достойный отмерен!

За несметное горе, за стон матерей!
Как же совесть вам жить не мешала?!
Да, вы каялись, там у разбитых дверей,
Только память никак не прощала!

И непрошенной, снова катилась слеза.
И пускай я кого-то обижу.
Нестерпимо печальны ребенка глаза!
Только так я все это и вижу!

Из болот, здесь в лесном партизанском краю,
Так печальны восходят туманы!
О погибших приносят нам память свою,
Пеленой застилая поляны.

* * *

Увы, нет мира под луною.
Террор введя на пьедестал,
Давно ль чеченскою войною
Двадцатый век отгрохотал...

Но снова свастика на касках
И слёзы матерей седых,
И снова пушечное мясо
Из тел мальчишек молодых.

И бой кипит на поле бранном,
Ликует смерть, Донбасс горит.
И кукловод за океаном
Диктует правила свои.

* * *

Нас все пытаются уверить,
Порывам добрым вопреки,
Что люди друг для друга – звери,
Что сволочи все мужики.

Что только подлых ждёт удача,
Блондинки – дуры, а любовь –
Шизофрения, не иначе
В мозги нам долбят вновь и вновь.

Не верьте, люди, сказкам этим.
Не дайте чёрту в душу влезть.

Не верьте! Царствуют на свете
Любовь, достоинство и честь.

Но если ты наивный школьник,
Спешат под дьявольский мотив
Сменить прекрасное прикольным,
Цветок на череп заменив.

Так посреди войны и блуда
Антихрист в наши с Вами дни
Из оболваненного люда
Вербует полчища свои.

* * *

Летний полдень на стыке веков
На слияньи Кеби и Черёхи.
В небе крылышки облаков,
Шепоток берёз и черёмух.

Отлетает с души суета,
Расколдованная просторами,
Здесь, куда ни глянь, красота,
Здесь, куда ни ступи, история.

И не просто фантазии взлёт –
Голый факт: всё под тем же небом.
Внучка в поле ромашки рвёт,
Где Владимир мальчиком бегал*.

* Киевский князь Владимир, Креститель Руси, родился в деревне Будник у слияния Кеми и Черёхи.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. РУСЬ. ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Над черной сеткой голых сучьев
Взлетают гривы зимних зарев.
Как вол на пашне – вязнет в тучах
Соборный колокол, ударив.

Под крепостью, как под пятою,
Высокий мыс лежит покорно.
За городищенской стеною
Парит в речной долине ворон.

Соединяющая земли,
Река заснула под снегами.
Во льду ладьи и лодки дремлют,
Канаты брошены за камни.

Вселяют скрытую тревогу
Недолговечные победы.
За лесом, около истока,
Отстраивают крепость шведы.

ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ В НОВГОРОДЕ

Пахотное поле приозерья.
Поймы заболоченный пустырь.
Древние уголья земледельца
Главами венчает монастырь.

Сквозь побелку стен сырого храма
Видны швы и кладка кирпича –
Будто от войны со шведом, рана
Кровоточит, так же горяча.

Поздно возвращается с рыбалки,
Скрывшись за воротами, монах.
В келье огонек лампы яркий
Вскоре зажигается впотьмах.

Средь глухих болот и редких елок,
Где века рекою утекли –
Времени минувшего осколок
Парусом белеет на мели.

МОНАСТЫРЬ НА ЗАПАДЕ РОССИИ

К берегу, спугнув крикливых чаек,
Лодка на рассвете пристаёт.
Храм неподалеку нас встречает
Скрипом отворившихся ворот.

В пойму, к месту древнего дозора,
Иноки идут ловить угря.
Там была прикрыта с Ильмень-моря
Белая стена монастыря.

Как хотелось шведу и поляку
Силой взять речной торговый путь!
Скромному отшельнику – монаху
Было от набегов не вздохнуть.

Правнукам о тяжких днях осады
Летописи древняя строка
Скучно сообщает: ради правды
Ноша непосильная легка.

УСВЯТЫ

(из окна машины)

Мелкий дождь неустанно стучит в лобовое стекло.
Надвигаются сумерки – видимость хуже и хуже.
Но видней чернота этих дальних российских углов:
Позабытые избы стоят, пригорюнившись в лужах.

А за избами озеро Узмень длиной в пять минут.
Силуэтом чернеет рыбак на резиновой лодке.
Под хандрящим, придавленным небом

нашел он уют.
Май случился такой – морозящий,
туманно-нечеткий.

Как свернули на Велиж – мелькнула Усвяча-река
В черноте луговых берегов –
серым зеркальцем света.
Нынче ночью – в плаще, и с фонариком
в зябких руках
Заспешит и придет молодое российское лето.

ТАМАРА КАНИВЕЦ
г. Москва

*В банке верба – завтра Пасха, длинно распуская тени,
с полумраком входит сказка, скрипнув, приоткрылись сени.*

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА...

Плавный вечер в перестуке; позолота за окном
в звуках меркнет. «Ту-ки-ту-ки» убаюкивают сном.
Да – не рядом, да – неблизко город-воин на крестах.
Ты, наверно, цедишь виски: «За проекты на местах!»,
но на дне усмотришь змея: шестиглавый испускает
«русский дух» и «нацидеи» – красных девок гад таскает
в край распатанных устоев, в область иллюзорных выгод
(поглядишь дно пустое – он ползучим телом дрыгат).

А у них прицел в бойницах, с рубежей на запад вектор;
там не денежные «проекты», не купцам держать границы:
не сменяются «идеи» как сложились с давних пор,
их песчаник не ржавеет, как покоцанный топор.
Через яблочные дали – схимники да эти башни
грудью каменной встали в сердце поля, а не пашни.
От Владимировой бабки Ярославичей потомки
Папу клали на лопатки и громили орд обломки.

Здесь, где ты пока что не был,
солнца – пушкинская мета на картинах цвета неба.
За погостами, лесами,
где не ходят поезда, луговыми парусами
запестревшие стада, разыграли в дымке марей
древних кривичей сценарий.

...

От набегов крымчан до пещер «Богом зданных»
тайным ходом, что был для спасения званных,
три монаха пришли к Каменцу; у воды,
с неустанной молитвой влагая труды,
рыли церкву всечасно в пустыньке своей;
только кости честные дошли до людей.

А случилось так однажды – сын с отцом гоняли зверя;
от усталости, от жажды ль – тот к ручью и тут, не веря,
слышат ангельское пенье. Возопили: «Правый Боже! –
в страхе – ниц! и класть знаменья, – Попустил сие
за что же?

Не узреши никого, слышим Ангела Твоего!
Защити нас от напасти, Пощади Своею властью!».

На коленях за поклоном, сын с отцом кладут поклон:
не трубит на месте оном Глас, и безмятежен склон.
Всё, как прежде, на ладони – с этого холма,
лишь ручей овражки точит, да лягушками квакочет,
да вплетает воедино музыку псалма.

...

Ожерельем лебединым,
как наследием единым,
выи вытянув для крика,
по своей реке Великой
вертикалью лаконичной,
да под маковкой пшеничной,
с мощным кряжем для распора,
запечатав светом горы
и подземных рек тесьму,
часть вселенскую – осьму,
как и прежде моложаво,
в карауле молчаливом
храмы сказочной державы,

внемлют птицам боязливым
(что хвостатою ватагой громко хвастают отвагой
у ореховых кустов под пролётами мостов).

Раскидало нас по свету – кто любил и обманулся,
но опор твоих коснулся.

Дух захватывая, спета, отражённного массива
крутизна! Ах, раскрасива!

...

Еду вот, смотрю в окно;
перелески меж полями: всюду – то же, всё – одно.

В пригороде остановка. Из автобуса гурьбой
высыпаемся неловко, разминаемся ходьбой.

В храм заходим небогатый,
вечерь служат – «час девятый».

На икон прозрачный воздух нанесён лазурный свод,
лики добрых, лики грозных, боя новый поворот,
крестный ход, осада, рать...

С парашютов умирать
шла сынов Шестая рота:
бытия иной виток, века нынешнего нота –
выдох глоток – слёз глоток.

В плаче стали все родные. Голосов – церковный хор
вьёт подзоры кружевные из окон в полдневный двор,
где волнистые туманы юной Ольги и Довмонта
ткут Россию Иоанна, уходя за горизонты.

...

Судный День был прежде важен. На него себя равнял,
кто с рожденья – русским слажен, кто

во Храме шапку мял.

А теперь вокруг играют, правил нет, а кон идёт;
выигрыш свой пока не знают. Кто кого куда ведёт?

Суррогаты (от рогатых), заменители любви,
идентичные, в каратах, заывают: «Поживи-и!»
Без деньжонок дело худо, на день – жёнок волочи!»
Но затихли вопли блуда: бьют словенские ключи.
Холодны! – зубами клацать, льются чистым серебром,
в честь Апостолов – двенадцать, хоронятся, аки кром.
Знают их под именами, но потом сливаясь в гладь,
мимо мельницы – сынами обернутся в речку-мать.
Превращение – не диво; он, они, она – вода,
по-весеннему бурливо пропадает в никуда.
Всё смешав в подземных клетях, всё вобрав –
из жизни в смерть,
заиграет снова в детях светлых бликов круговерть.
Подставляю ей ладони! На один короткий миг,
с детством встретившись на склоне, прорывается

как крик!

Но под солнцем пассажира от Рожденья – до Конечной,
брызги радуги транжирю, бестолковая, беспечно.

Притчи причта под зевоту, ананас, картье, канкан:
а на нас идёт охота – за приманками – капкан.
Стало слабости обидно. Из штанин – конец хвоста
бьёт копыто. Стыдно. Стыдно. Будто нет на мне креста.
Будто память изменила в родовой цепи звено.
Подниму что уронила, не отдам что мне дано.

Меж собой в раздумьях горних, хлопоча о наших душах,
бьются воинством изборних, бронники чужие руша,
Те, что в Ликах от Андрея, мироточа и темнея,
на мгновенье замерев под Крестом Честных Древ,
золотятся. В ризах розы, у подножий – лилии.

Узы-шпоры – в бок занозы, шип – под сухожилия.

ЗИНАИДА ВАРЛЫГИНА
г. Кострома

ВОССТАНАВЛИВАЯ РОДОСЛОВНУЮ

Ты, единожды погрузившийся в эту тему,
Не сумеешь найти дорогу в свой мир обратно.
А История – как смеющийся демон.
Ей растерянность эта смешна; вместе с тем –
приятна.

Не запутаться в датах, именах и судьбах,
Не забыть, кто выжил, а кто и сгинул –
Из тумана прошлого выходят люди,
Но, как в дымке, видны лишь наполовину.

Но, как в мареве выстрелов, порохе дымном,
Как солдаты – без вести, ссыльные – без имён,
Проступают контурно, силуэтами,
Тем лишь видными, кто ищет их вне времён.

И как краски мастера под чужой мазнёй –
Проступают судьбы на полотне.
Полотно – История. И над моей землёй
Кружат отзвуки судеб, уже известных мне.

КАЛЯЗИНСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

На рассвете, на заре ранней, колокольный звон
над округой – как встарь.
Поднимается на колокольню из воды
старый призрак-звонарь.
Поднимается, чуть на свету виден,
колокольные нити берёт
И плывёт – на версту слышен – колокольный звон,
и плывёт...

И плывёт по воде рябью этой местности седой говор
И звучит стародавней вязью, что не нечисть
пришла, не ворог,
Что свои же дома затопили, как всегда, видать,
с благой целью,
И стоят дома на дне, в иле, только колокол
звучит трелью.

Нет, не трелью он звучит – громом,
пусть тот гром не каждому слышен.
Отступают воды весною – и звучит он
всё тише и тише.
Говорит уже кирпичная кладка, говорят
размытые мостовые:
«Мы-то помним, когда были в порядке.
Мы-то помним, когда были живыми».

И плывёт над проступившей деревней
Голос призрачный, колокольный.
И в сердцах тех, кто ему внемлет,
Откликается он болью.

* * *

*Памяти Фёдора и Алексея Варлыгиных,
братьев моего дедушки, пропавших без
вести в Великую Отечественную войну,
одному из них было 19 лет, другому – 21 год.*

Где вы, юноши, где вы,
Деревенские парни,
Что весною с девчонками
Гуляли попарно?

Вечным сном ли вы спите
В ленинградских болотах?
Или в вечном конвое,
Охраняя высоты,

Вы парите над сёлами
И городами,
Не имея возможности
Написать письма – маме,

И невесте, и сёстрам,
И друзьям не забытым,
Точно так же, как вы,
В те же годы убитым?

Где вы, юноши, где вы?
...Вы в сердцах миллионов.
В зеленеющих склонах
Не опалённых.

В долгой памяти внуков,
Что вас уже старше.
...В гулком стуче сапог
Новобранцев на марше.

В ДЕНЬ СВЯТОГО ОНУФРИЯ

В День Святого Онуфрия
Снова праздник в Малах.
Отправляйся без усталости
В путь, забыв о делах.

Здесь земли нет заброшенной,
Здесь совсем не пустырь.
Из ложбины ухоженной
Поднялся монастырь.

Необычная звонница
Устремилась в лазурь.
Всяк святым здесь поклонится,
Хоть на улице хмурь.

Здесь Онуфрия Мальского
Мощам век почивать.
Храму быть православному,
На века процветать!

МАРИЯ ПАРАМОНОВА
г. Смоленск

ВО ИМЯ ДОБРА

Два русских солдата меж Вязьмой и Ржевом
Январскую ночь стерегли.
И младший спросил: «А скажи, неужели
Мы сгинем в дыму и пыли?»

Который уж месяц тут гибнут ребята,
Фашистов пытаюсь прогнать,
А бог на кресте, что ты давеча спрягал,
Не шлет для тебя благодать.

И звезды, смотри, холодны и недвижны,
От них не дождёшься чудес.
В саду за избою поломаны вишни,
И нас ухайдакают здесь!»

А старший ответил, взглянув сквозь повязки
На фото жены и детей:
«Я верю – в последней отчаянной пляске
Беснуется мрачный злодей.

На веру не грех и тебе опереться,
Но чуда и сказки не жди.
Вселенная – это огромное сердце,
Стучащее в доброй груди.

Она расширяется целую вечность,
Восторгом галактик сверкнув,
А после сожмётся, вобрав бесконечность,
И в тихий клубочек свернув.

И сердце твоё, как Вселенная, бьется,
Я верю, во имя Добра!
А если замрет или в горе сожмётся,
Так значит – настала пора...

Жаль, весточки нет, что с родными под
Тверью?
Тревожусь за малых ребят,
Но только в одно без сомнения верю –
Что Свет и Добро победят».

А утром, еще не растаяли звёзды,
Замкнулось кольцо за селом.
Фашисты зажгли пулеметные гнезда,
И пламенем избу смело.

Качнулась Вселенная в тихой печали,
Клубочек движенья скрутив,
И двое ушли по дороге-спирали
На Небо, без звезд на груди.

МОЙ ДЕД

Так горько, так непоправимо –
Пропавший без вести солдат!
Десятилетия мчатся мимо
Пестря венками красных дат.

Так неизбежно, так зловеще –
«Пропал» – звучит как приговор
Вдове и детям. Им завещан
Негласный пристальный надзор.

Так больно, так несправедливо –
Понянчить не пришлось внучат
И правнуков. Другим, счастливым,
Дожившим колыбель качать.

Но проросла ветвистым древом
Могилой ставшая зола,
Где без вести пропал под Ржевом
Мой дед Игнатьев Николай.

что не спасли страну, в которой жили,
но не посмеют даже в судный час
задуматься, что зря они служили

той Родине,
в которой так дружили,
которую несли,
боготворили,
которую оставили
для нас.

ТИШИНЫ...

А. Блоку

Александр Александрович,
снова пребуду я с Вами!
Выпит чай, и стихи
точно умерли,
в горле ни зги.

Отравилась я, что ли,
сегодня своими стихами?
Точно тучи бредут надо мною
и бродят круги.

Александр Александрович,
сложно теперь не заметить,
если что-то случится,
спешу не к любимым,
а к Вам.

Там, за синей горой,
этой ночью свирепствует ветер
и задумчивый ливень
гремит и гремит по гробам.

Не о том я сегодня...
Всё призрачно стало
и больно!
Там уходят солдаты,
там женщин с детишками бьют.

Там в кошунственный бред
каждый миг превращают невольно
все возможности светлых
и самых счастливых
минут.

Александр Александрович,
кончен век страшный,
двадцатый...
Мир не сделался проще.
В нём прежний живёт человек.

На полях — колеи,
в деревнях — те же серые хаты,
и безмолвие тел
обрамляет созвучие рек.

Жизнь — война. В ней, увы,
кто воюет,
тот чаще и правит!..
Александр Александрович,
помните боль той войны?..

Александр Александрович
тихо над бездной
вздыхает,
за Андреем Андреевичем
просит её:
«Тишины!»

НАДЕЖДА КАМЯНЧУК

г. Псков

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Брёл из петроградского трактира,
Молод, полупьян, полуодет
На свою последнюю квартиру
Хулиган, бродяга и поэт.

В этот вечер кончились чернила,
Ссохлись и пространство, и душа...
Ничего не дорого, не мило,
Да и жизнь не больно хороша.

Кровью стих написан – не иначе,
Свисли кудри цвета ковыля...
-Для того ли был ты предназначен,
Чтобы так – верёвка и петля?

Поутру в гостинице тревога,
Суета и бестолковый ор:
Но уже летел, летел Серёга
В звёздный упоительный простор.

«До свиданья, друг мой, до свиданья
Не печалься и не хмурь бровей...»
Проводили агнца на закланье,
Одного из русских сыновей.

НЕ ПРОСИ

Никогда ни о чём не проси,
Разве только прощенья у Бога,
Если выпало жить на Руси,
То нелёгкою будет дорога:

Не видать, что же там, впереди,
За ближайшим во тьме поворотом,
То ль друзья, то ли это враги,
Что завидуют нашим широтам,

Нашим звонким лесам и полям,
И зарею пылающим далям,
Бесконечным седым ковылям
И отцовским геройским медалям...

Жизнь не сахар, не мёд на Руси –
Кровью, потом полита дорога. ..

Никого ни о чём не проси,
Разве только прощенья у Бога!

НИ ДОРОГИ, НИ ТРОПЫ

Ни дороги, ни тропы,
Чернота и пепелища...
И чего, скажите, ищем
До последней до черты?
Никого и никогда
Не удержим, не обманем,
Понапрасну сердце раним
По дороге в никуда.

По дороге в небеса
Неказистые жилища
Да российские кладбища,
Да земные чудеса:
Поднимается трава
На обугленном кострище
И грибы – лесная пища,
И на кустиках листва.

Вот такой простой закон
Жизни, смерти и рожденья,
Отпусти свои сомненья –
Подари земной поклон
Небу, солнцу, людям близким,
Тем что живы и ушли,
От души и низко-низко
До России, до земли!

ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА
г. Белгород

ТАВРИКА

Таврика! Таврика!
Звон ятаганов,
Топот копыт,
Тайны курганов,
Стон тетивы,
Горькие травы, –
Так много смерти, так много славы!

Греческий хор, монотонно гудящий,
Зов муэдзина, в долину летящий,
Церкви и цепи,
Вера и горе,
Путь, обретенный у Русского моря,
Кровь, что пучины его солонее,
Маков степных невысоких краснее,
В ней твои песни, легенды и были,
Люди твои ничего не забыли.
Вечно поэтов влюбленных держава,
Древняя Таврика – горькие травы...

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ.
ИЮНЬ, ИЮЛЬ, АВГУСТ

Над этим полем нет, не будет тишины:
Гудят шмели, в соцветьях повисая,
И поле спит, и точно видит сны,
И дышит, летним жаром отдавая.

Над этим полем нет, не будет тишины!
Ревут моторы. Танки, самолеты
Горят, и в жерло огненной войны
Летит без счета павшая пехота...

А теперь – тишина.
Но послушай! Гудит
Переключкой имен здесь лежащих
Колокольная медь, отдаваясь в гранит:
За погибших, за вдов, за скорбящих...

* * *

И падал снег на блиндажи,
И шли в атаку, оставляя
Любивших жизнь, хотевших жить,
Лежать под снегом, умирая.

И криком был изорван рот
У лейтенанта молодого.
Рвались снаряды. Падал взвод.
И снова шел в атаку, снова...

И падал снег, и плакал снег,
Ресниц касаясь обожженных.
Как будто мертвый человек
Жалел товарищей спасенных.

Какой войны я вижу сон,
В каком году все это было:
Мне неизвестный батальон
Свинцом и снегом заносило...

Иль спутал кто привычные пути,
Деля наш белый свет по-человечьи?
Лукавство!
Хоть стократно будь ретив,
Туманно всё людское и не вечно...

Ах, грозный месяц матушки-зимы,
Прости упрёк мой легковесно-вольный,
Студи, морозь горючие громы
И молнии, что жалят сердце больно!

Завей же пушки саваном снегов,
Пушай ослепнут и заглохнут танки,
Пусть стынет кровь у натовских шутов
От сиверка и голоса тальянки!

ЖАРА

Жарко, ой, жарко!
Воле вольной душно,
Солнце обомлевшую землю сушит,
Мучает жажда, печёт — нету жизни!
Жди-пожди — хоть капелькой с неба брызни!
Раскалилось полюшко, запылило,
Загудели гулом, русскою силой
Колокольни, словно пчёлы на сотах:
— Гэй! Ползёт, дымится гарь из болота!
Жарко, ох, жарко!
Пеклу счёт — не сутки,
Разгорается огонь — не на шутку.
Хватит ждать, Россиюшка, просыпайся!
Нет воды... Слезами лей —
Плачь да кайся!

* * *

Время понимать и принимать,
Отвечать за буквы и за строки,
Отвергать нападки и упрёки,
Но чужую боль не отвергать.

Время утверждать и убеждать,
Верить в Бога, верить в человека
Подавать на паперти калекам,
Но не предавать и не прощать!

Кто-то скажет: «Странный индивид,
Верит в Бога, но простить не может».
Да я верю, что Господь поможет...
Но не я, а Он нас всех простит.

* * *

Памяти Ольги Недоступовой

Брошенный сквозь века,
видевший разное...
Только дрожит рука
черная, грязная.
Ярко горит свеча
на подоконнике,
Тот, кто рубил с плеча,
вышел в покойники...
Там где вершился суд —
гарь да пожарища
И хоронить несут
друга-товарища.

ЧЁРНЫЙ ВИР

Деревня Чёрный Вир располагалась в Карамышевском районе Псковского округа Ленинградской области, ныне – Карамышевская сельская волость Псковского района Псковской области. Деревня уничтожена карателями в 1943 году, теперь там урочище. В книге Павла Лукницкого «Ленинград действует...» читаем: «В деревне Чёрный Вир расстреляли часть жителей и деревню сожгли». Впрочем, я слышал от своей бабушки несколько иную историю.

Деревни Чёрный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Здесь в сорок третьем зверствовал СС –
Не немцы, а эстонские солдаты,
Их бабушка моя звала – «кураты»...

Она, сбежав с детьми в дремучий лес,
Сама спаслась и деток сохранила.
Но сколь потом жила – не позабыла
Расстрельный год, и пережитый ад,
И страшное ругательство – «курат».

Те, кто остался, выжить не смогли.
Горел овин, обложенный соломой,
В нём, под напев пластинки граммофонной,
Детей и женщин заживо сожгли.

А после – расстреляли мужиков,
Почти ополоумевших от горя,
Не чувствующих холода и боли,
И поседевших в несколько часов.

Деревни Чёрный Вир на карте нет,
Осталось лишь урочище пустое,
Колодца остов с темною водою,
Фундаментов печей неясный след.

Деревни Чёрный Вир на карте нет...

Героям Соловьёвой переправы посвящается

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Под тяжёлым пологом знамени
Не положено памяти спать:
Рыжим всполохом, жарким всполохом
Трепетать, Огонь, трепетать!

Мы уложены под гвоздиками,
Но уснуть мы не можем никак:
Медноликими, бронзоликими
Вы поставьте нас на века!

Постаменты прогнутся под тяжестью
Нашей рати застывшей колонн,
И, проникнувшись подвига важностью,
Поколенья идут на поклон.

Пусть пахнёт салют горьким порохом,
Развернёт плечо караула стать.
Рваным всполохом – Вечным всполохом
Трепетать, Огонь, трепетать!

СУДЬБА

Июля дни – крутые времена:
На переправу валится война!
И самолёт ревёт в пике,
И смерть вот здесь – не в далеке!
И уж не быть самим собой,

Мой первый бой – последний бой!
Вчера судьбу бы рассмотреть –
И переправиться бы в жизнь,
Но жизнь сказала мне: – Не смей!
Ты воин, и идёшь на смерть!

... Нельзя судьбу пересмотреть.

РОДНИКИ

Сушь, братва, но опять – наводнение:
Кровью красит река берега!
Леворукое отступление,
Праворукая стойка врага!
С неба льются свинцовые струи,
Разыгралась шрапнели пурга,
Тянет скатка мне плечи, что сбруя –
Лишь винтовка сейчас дорога!
Перейти б по зыбучей станине
Через Днепр – и в окоп на холме!
...В медальоне и адрес, и имя –
Да могила на илистом дне!

Как здесь зелены летом дубравы,
Как резвятся в вирах окуньки,
И сочна, мягче пуха отава.
...Кровью бьют до сих пор родники.

ОТГОЛОСКИ

За свой родимый край молюсь,
Тихи молитвы и не броски.
Была, была Святая Русь,
Её остались отголоски.

Святая славилась вода
И прозорливы старцы были.
И в пустонь Оптину тогда
Все оптом грешники валили.

Нигде приметы не видны
Той жизни, что лишь быльё стала
И на себя со стороны
Взглянуть бы нынче не мешало.

Искать где истину от бед
Лихого зла, что торжествует?
Для вразумленья старца нет,
Впустую честность негодует.

Как сердится, ворчит народ –
Доколе злу беситься с жиру?
И всё ж в сознании живет
Тоска по будущему миру.

Мы не забудем слова «Русь»,
Потомка нынешнего дерзость:
Назло врагам не распадусь,
А сохранюсь друзьям на верность

РУССКИЙ МИР

Чтоб лихой беде не повториться,
В чём блюсти свой жизненный устав?
Русский мир уехал за границу,
Зарубежною Россией став.

В ней способностей хватало и талантов!
До сих пор глядится, как живой,
Русский мир военных эмигрантов
Со страниц журнала «Часовой».

Все галлиполийцами вдруг стали,
Здесь и Туроверов – их поэт.
Он – казак, его хоругви пали,
О грядущем предсказаний нет.

Пишет – «Уходили мы из Крыма»,
Но не отразит щемящий стих
Цели победившего режима.
Что же будет с Родиною их?

Там остались близкие, родные,
Брошенные русские края.
Здесь они одни, кругом – чужие,
Только Армия, как был, своя.

Нет, они пощады не просили,
И для них, для нас всегда одна
Кем-то разделенная Россия,
Наша бело-красная страна.

ЕСЛИ Б НЕ ВОЙНА...

Поутру взорвалась тишина,
Всполохами небо поджигая.
Если б не проклятая война,
Жизнь моя была б совсем другая.

Детству надо с радостью лишь жить,
Детские прощая выкрутасы.
Тяжко оккупированной быть,
И съестные кончились припасы.

Аппетиту незачем расти,
Он в землянке жадный в самом деле.
Сможет мама что-то принести.
Если фрицы всех курей поели?

Корочку бы хлебную достать,
Да с водичкой, корки очень сухи.
Вот и крысы вылезли опять.
Хоть меня не съели б с голодухи.

Что же делать, чья это вина
И беда от края и до края?
Если б не проклятая война,
И в стране бы жизнь была другая.

ТАМАРА СОЛОВЬЁВА
г. Псков

ПЫЛАЮЩИЙ ДОНБАСС

В пылающий Донбасс еще подкинут дров
Все те, кто против нас, кому водица – кровь.
Как вороны, летят в Луганск со всех сторон
И что им жизнь ребят, что вышли на заслон!

Пылают Краматорск и Горловка в огне.
А, если бы Нью-Йорк сгорал в большой войне?!
И кто-то ясным днём Манхеттен сжег, Бродвей?
Тогда бы Белый Дом себя бы вёл скромней?..

Не знавшие войны на собственной земле,
Исподтишка сильны грозить тебе и мне.
И Запада рука уж целит огнемёт,
Где с русскими века Украина живет.

И всё же не пройдет фашистская орда,
Ведь снова наш народ – един, как никогда!
В Дебальцево котлом им обернулся «блиц»,
Не надо быть врагом славянских строгих лиц!

Нельзя за разом раз оружием бряцать –
Пусть мы молчим подчас, но можем не молчать.
И знаковый момент, боюсь, не просто так:
Покинул постамент советский старый танк!

И БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА...

*И бысть сеча зла, и треск от копий ломления,
и звук от сечения мечного, яко же и озеру
промерзшию двинуться. И не бе видети льду:
покры бо ся кровию.
(из старинных летописей)*

Нам негоже ходить под врагами, одетыми в
латы,
Александр дружину за Русскую землю ведет.
Берегитесь, псы-рыцари, в шлемах зловещих,
рогатых
Нынче солнце – не солнцем! – возмездием к
небу взойдёт.

Враг надменен и горд, но он будет бежать от
погоны,
Оставляя надежды и взятые в плен города.
Загребая копытами лёд, к небу вздыбятся кони,
Черным рыцарям – черною бездной чудская
вода.

И когда у Вороньего Камня на Узмени солнце
Показалось едва, начиная привычный свой круг.
Грудью храбрые русичи ринулись в бой на
ливонцев
И попятились те, удивляясь, как быстро бегут.

И на запад, на запад, на запад уносит их сеча,
И струится по русским челам с солью смешанный
пот,
И сбиваются льды, всё на свете круша и калеча,
И от вражеской крови дымится и плавится лед.

СЕРОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СИНЕГО

Городом, городом, городом
 вновь завладела зима,
Ветром, туманом и холодом
 к нам постучалась в дома.
Летние краски красивые
 смыла промозглым дождём:
Серого больше, чем синего,
 в северном небе моём.

Слякоть зимою и осенью,
 и – не указ календарь:
В небе – апрельские просины,
 пусть на дворе и февраль;
В марте лавиной обрушится
 снег, что не выпал зимой...
Кружится в серой распутице
 облако вниз головой...
Синими майскими ливнями
 смоет усталость с души.
Белые, летние, дивные
 ночи у нас хороши!
Видится, грезится, чудится –
 чёлн над волнами скользит,
Ольга – святая заступница –
 город свой древний хранит.

С именем светлым повенчанный
 добрую тысячу лет,
Сердцем прекраснейшей женщины
 Псков наш суровый согрет.

* * *

Рассвет над городом моим,
Туманом утренним объятым.
Завороженные стоим –
Заря целуется с закатом.
Река вздыхает на бегу,
Любуюсь сказкой белой ночи.
А месяц выгнулся в дугу
И золотые рожки точит.
Ликуя, соловей поет
Поля в убранстве васильковом
Так день грядущий настает
На берегах родного Пскова.

* * *

Крыша у избы съехала папахой,
Облако висит рваною рубахой.
Горькою вдовой плачется кукушка,
Спряталась за лес месяца краюшка.
Где-то среди полей заблудилась речка,
Мхами поросло мёртвое крылечко.
Край ты мой родной, что всё это значит?
О твоей судьбе скорбно ветер плачет!
Росные поля с ленточкой-тропинкой,
Где дружила я с каждою травинкой.

Здесь купалась я в озере ромашек,
Плыло в вышине облако-барашек.
Край ты мой родной, что всё это значит?
О твоей судьбе только ветер плачет...

Хоть с детства я здесь живу,
И мне это всё знакомо,
В прекрасный сон наяву
Иду я, тобой ведома.

Душа, как птица в сетях,
Замрет у подножья Крома.
Ты счастлив, что вновь в гостях,
Я тем, что хозяйка дома...

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

В томной неге туманы стелятся.
Облака кружевные пенятся.
На озёрную гладь багряную
Истекает заря румяная.

Не иссякнут ключи кристальные,
Не постичь нам их тайну тайную,
Здесь совсем не кажутся странными
Речи жаркие, покаянные.

Тут паломники иностранные,
Даже нехристи окаянные
У святых ключей причащаются,
Сотни раз сюда возвращаются.

Приезжайте, не пожалеете.
Насладитесь яблочной спелости.
У подножья Изборской крепости
Дайте клятву любви и верности.

КРЫПЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Озера трепетна гладь,
Рядом болотная гать.
Клюквы нетканый ковер,
Неба лазурный шатер.
Прячут обитель леса,
Окна как старца глаза.
Замер в тиши монастырь,
Хмуρο глядит на пустырь, –
Словно поставлен в дозор.
Слышен молитвенный хор,
И, как дыханье души,
Тихо шуршат камыши.
Ловкий узор на избе
Взгляд привлекает к себе.
Здесь молчаливый народ
Крест свой покорно несёт.
А под могильной плитой –
Первый игумен, святой –
Савва. Прохожий пройдёт,
К лику святого прильнёт.

СЕРГЕЙ ГОРШКОВ
г. Псков

СТАРЕЦ

*Великому старцу отцу Николаю Гурьянову
посвящается....
(лето 2000 года, о. Залит)*

Кроткий духом, быстр походкой:
Над землёй душа парит!
Жаль, в глазах, когда-то зорких,
Затаённо грусть лежит.
Грусть о том, что год уходит,
Не прибавив телу сил:
Сколько лет уже с народом
Богу в Храме не служил?!

Но слова ещё ложатся
В ладный ряд – стихом легко
Утешать земных страдальцев,
Приходящих под крыльцо.
И в прищуре глаз я вижу
Просветлённых тыщи лиц,
А в листве у кельи слышу
Воркованье голубиц.

И певучий шепот старца:
«Обратитесь к Небесам!
Ощутите жажду сердца,
И за то воздастся вам:
Побеждает Дух смятенье,
Всех прощая и любя!
А в Святое Воскресенье
Помолитесь за меня...»

ЛЕТНИЙ САД. ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Снег «убил» цветные краски,
Оборвав листву с деревьев.
Сад в хрустящих белых масках,
Вспоминая о поверьях,
Скрыл под масками желанье
Возвратить весну – подругу...
Осень – наше испытанье,
На доверие друг другу.

Соскользнув с шелков постели
Ты, во тьму взглядевшись, спросишь:
«Мы друг другу надоели
Или ты меня не бросишь?..».
Я, возможно, не отвечу.
Почему? ...и сам гадаю.
Может, время страсти лечит?
Осень все ответы знает.
Дочитает книгу сказок,
В миг аллеи запорошит,
Спрашивая из-под масок:
«Ну а вас-то что тревожит?..»

...У окошка лучше слушать
Как на землю снег ложится:
Коль в явленьях прячем души,
От того ли и не спится?
А ещё с ума нас сводит
Поведением нервным
Эта ночь, что колобродит
И роняет с неба звёзды ...

СОЛДАТЫ ПЕРА

Поэты России, чтя Божий Закон,
заблудшим в пути помогают
и жизнь не боятся поставить на кон,
предчувствуя, что проиграют.
Дано им от Господа право писать
слова утешенья страдальцам,
но люди меж строк разучились читать,
на смерть обрекая скитальцев.

Поэтам дан срок, не длиннее свечи,
скитаться от дома до дома,
но заперты двери, стучи – не стучи,
для них и для слова живого.
Забыты заветы и грешников тьма,
но долг перед Русью призвал их
«сердца жечь глаголом»!.. такая судьба
поэтов-солдат православных.

* * *

Если взглянете вы по ту сторону зла
Или в зал для игры шахматистов,
Перед вами предстанет оценок шкала,
От влияния времени чистых.
Победителей судят, жалеют последних
Приравняют к нулю отклоненья от средних.

Очевидно различие в том, что дано
Богачу, бедняку, инвалиду.
Но сумейте найти потаённое дно
И пути, неприметные с виду
Не судите по жизни, судите по смерти,
И без спеха, без смеха успехи измерьте.

Как игольное ушко надоблачных врат,
Тень улыбки жестокого века.
От индейки-судьбы незатейливый мат
Получает духовный калека.
Проигравшимся в прах – на засыпку задание.
Испытать до конца неземное страдание.

* * *

Порой на расстояньи клика,
И мы срываемся на крик.
У каждого своё. Музыка
Вошла... Вливается в язык...

Дарованное свыше ценим,
И платим за него сполна.
Нас разделяют только стены
И нереальные системы.
Осознается ли вина

За то, во что играют дети,
Желая старшим подражать,
Когда на предпоследней трети
Мы начинаем ниву жать?

И горькие плоды томленья,
И нестареющую явь,
Не признавая вечность тленья,
Ты, будто черновик, поправь.

ДИВАННЫЕ ВОЙСКА

Мы уже почти что армия,
из бобового стручка.
Называемся – диванные,
неподвижные войска.

От Азова и до Буга
в напряжении умы.
В голове порой солома,
мышцы мягкие как вата.
Но уступка, даже другу,
поражением чревата.
Спор убийственной чумы
и кривые зеркала.
Словно Куба и Тортуга,
полюса земной оси.
И по замкнутому кругу
клевета на оба дома
Пышным цветом расцвела.
За и против голоси
Про Луганск, Донбасс и Крым.
Будто с ветром ледяным,
С саламандрой снова танцы.
Туго стянуты узлы.
Патриоты и повстанцы
неуступчивы и злы.

ИЗБОРЯНЕ

Как бы чутко стопа следопыта
Не ступала на земли Изборска,
Но – с апломбом времён неолита:
Известняк раскалив до извёстки...

И сплочённые словом и делом,
Ключ к Изборским ключам подбирая,
Предстоят, как в приделах, – в пределах
Сопаломники этого края!

С чудаков: не придёт – не убудет...
Но приветит их всех заповедник
В еле зримом движении буден
Изборян, ибо каждый – наследник!

Что наследует гордое право,
Но пред веком отвечает кротко,
Отдавая всю важность и славу
Не одной приусадебной сотке,

А музейному – вкупе – ансамблю!
Сам – в шагах от винтажного ряда...
Но чуть только свой норев ослаблю,
Отобьюсь, так сказать, от отряда,

Как извечное – скрипнет калиткой.
И тогда: вот они, эти земли!
И не важно, что камнем и плиткой
Доломит по поверхности – дремлет. –

Сколько б камня в себя не вбирала
Твердь земная – есть плуг за фасадом...
Перекован и меч на орало
Был когда-то изборским посадом.

И витает в непрошенном ими,
И однажды заслуженно грянет
Это доброе, славное имя –
Изборяне!

МОЙ ГОРОД

*...В третий раз закинул он невод...
«Сказка о рыбаке и рыбке»,
А. С. Пушкин*

Я искала в нём что-то своё: вот взойдём на паром
И отправимся с ним из варяг –
Божьим промыслом – в греки...
Но вовек не знавал тех порогов причудливый дом
И по ним не ходил – не ходил и не будет вовеки!

И тогда я пришпорила было лихого коня.
Но окинула взором, а может быть, сном городище.
И разбила привал... И усталость скосила меня,
Как Добрыню Никитича – может быть, даже почище!

И отметила: городу – быть на излучке реки,
Что и старшим изводом своим
подтверждал летописец:
Я искала в нём что-то своё с чьей-то лёгкой руки,
Чтоб его для себя и в себе непременно возвысить.

Я ждала в нём свершения бурь: где снега и снега!..
Но уложена в крепкую крошку гранитная площадь.
И не стоит тревожить, трепать на коне седока,
Ибо это уже и не он, а творение зодчих.

Я ходила зарубками вширь, не осмелившись вглубь.
Я листала: шуршала сосной стопки книг
вдоль обочин.
Мне казался он более чем недоверчив и скуп.
И в моих представленьях о нём
представлялся не очень.
С чем сшибаясь на всём порубежье лоб в лоб,
тет-а-тет,
Я всегда почему-то срывалась к подножию мыса.
Или, как замечал мне по лестничной клетке сосед:
Чуть оступишься – и прямиком
в кандидаты на высел!

Я не знала, насколько мой город и молод, и сед,
Сколько в нём километров от сердца
до самых окраин.
Но, как выдал мне тот же
по лестничной клетке сосед:
Есть на каждом на лестничном метре
свой Авель, свой Каин...

Я себя не жалела – я всё забегала вперёд.
У меня подрастали тем временем славные дети.
Я водила их в сад... на каникулах – в сад-огород...
А по осени – в школы, как в самые долгие сети...

Но когда я закинула невод в тот самый объём,
Где он всё-таки шёл (!) на ладьях, частью –
волоком, в греки,
Как рассыпались вмиг все мои
представленья о нём...
Сколько алчности всё же и спеси в ином человеке!..

НА ТЕРРАСЕ ПАМИРА

Почитала я вещей и вечных поэтов
Двадцать первого жгучего, смутлого века –
На обветренных лицах их – острые меты
Очень горькой выдавшего жизнь человека.

Я теряюсь в своём поэтическом поле.
Я заочно почти за него извиняюсь.
Я заложник – я баловень в нём поневоле:
Желторотый птенец, где совсем не меняюсь!

Если ваша горчайшая жизнь без ответа,
Если к вам так неистов разреженный воздух,
Можно я не пойду в мудрецы и поэты –
Можно буду лишь тихо похаживать возле?!

Я верна вам, я к вам прикипела настолько,
Что хочу, чтобы все угнетатели мира
Взяли ваши стихи с той заснеженной полки,
Что на всех семитысячных пиках Памира!

И тогда разразятся их сходы и льдины,
И отправятся воды в поля, как в галеты!
И, быть может, затопит их до половины...
Или просто – не будет засушливым лето!

Просто ветер рассеет всех зёрен – по паре...
А по лугу распустит ромашек охапку...
И все будут пить чай, в добродушном ударе
Желторотых птенцов потрясая за лапку...

На террасе Памира свежо и тревожно.
Я сижу и читаю – дышу и читаю...
Можно я буду рядом – насколько возможно –
С каждым вечным и вещим... кого почитаю!..

ВЕТРА И ТУМАНЫ

В продуваемой нищей стране
Доживаем свои половины.
Те же ветры режут на вершинах.
Те же бури вскипают на дне.

Ах, сквозняк, этот вечный сквозняк
Из меня выдувающий душу...
Почему же так хочется слушать
Чьи-то песни о прожитых днях?

И не так наша доля плоха,
Нам ещё прошагать половину
И вдыхать в первородную глину
Первозданную душу стиха.

Нам ещё доставать до вершин,
Вдохновенно, легко... безнадёжно...
А над речкой висит невозможный,
Неподвластный отечеству дым.

ПАРАФРАЗ

*«Ни с кем не говори. Не пей вина.
Оставь свой дом. Оставь жену и брата...»
Георгий Адамович*

Время пришло – запечатай уста немотой,
Дом свой оставь, и оставь свой бокал недопитым,
Прошлое в прошлом оставь, и за дверь закрытой
Брата забудь и жену, и дорогу домой.
Сущее всё разлюби – от цветка до звезды
И безразличьем питай безразличную душу,
И безразлично пустую вселенную слушай,
Чтобы ни мысли не жило в тебе, ни мечты.

И вот тогда ты увидишь в истаявшей мгле,
Зреньем иным, проникая в иные столетья –
Ты поднимаешься в гору сквозь камни и плети...
Крест на плечах
и терновый венец на челе.

* * *

Прожить за миг и умирать в веках,
Грешить с тобой и не грешить с другими,
Забыть лицо, повадки, тело, имя,
Но помнить вкус прохлады на губах

И то, что ты была ко мне добра
(Пускай, не часто и, пускай, со смыслом),
И свет свечной, и восковые мысли,
К которым я ключа не подобрал.

На улице метельно и темно
И свет фонарный молит о пощаде,
И что-то мне соврёт пощады ради,
Что мне тебя увидеть суждено.

Пусть, мне тебя увидеть суждено,
Пусть, время терпит или время лечит...
Но жизнь уже выплёскивает вечер,
Как кельнер недопитое вино.

Ах, tempus*, ты и время, и висок...
И мой мирок измотан и испорчен,
Как мой порог истоптан и источен...
Как он печален, мой дверной звонок...

* * *

Утешайся какими-нибудь непонятными текстами,
Проводя по седой голове ладошкой.
До боли знакомо мне это место,
В котором встретились мы, мой хороший.

Я в лица прохожих рассеяно всматриваюсь,
Осень, пасмурно, листья желтые.
Какая могла быть хорошая партия,
Мелькнуло среди осеннего золота.

Какие могли быть красивые дети,
Ну что ты хватит, все это в романах.
А солнце светит и листья светят
Звуча естественной фонограммой.

Какая могла быть.., ты снова бредишь.
Наверно осень такая пьяная
А помнишь театр, а помнишь свечи,
И звуки расстроенного фортепиано.

А помнишь мы.... Да конечно помню,
Но это в прошлом, да это было.
Все, друг мой помню, все, впрочем, кроме.
Скажи мне, я разве тебя любила?

Ты слишком много себе придумал,
Хотя, это свойственно для поэта.
Ты был восторженно счастлив, юн
И это было в начале лета.

*tempus (лат.) – время, висок

Тогда все было небесно чисто
Меня пленяла твоя наивность
Но лето кончилось, очень быстро,
А небо грустно дождями лилось.
И каждый стал одинок по – своему
Усталость имеет свойство копиться.
Наверное, надо было бежать на море
Или хотя бы пойти напиться.

Все в нашей жизни не равномерно
Кому везет, а кому не очень.
И как же часто бывает скверно
Когда съезжаешь ты на обочину.

Ну вот сказали друг другу глупости,
Пора прощаться, опять на долго
Все наши чувства, как льдинки хрупкие,
А души плачут побитым волком.

Все это было глубокой осенью
И листья падали парашютами
В ногах остались печаль и колкости.
Размен тоскою и злыми шутками

* * *

Мы никогда не увидимся,
Никогда.
Ты помнишь,
Я грезил Витебском,
В те года.
Я бредил твоей Белой Русью,
Счастливый бред.

И знаю, что не вернусь я,
В тепло тех лет.
Охапки осенних листьев,
На берегу.
Их запах, их добрый шепот,
Я берегу.
На имя память скупая,
Как лунный свет.
Но никогда не растает,
Твой силуэт.

* * *

не спрашивай меня, как я живу
не говори о жизни и погоде,
я сам об этом многим говорю,
и даже попадаю в душу вроде.
не предлагай мне огненной воды,
я слишком очарован крепким чаем,
и слушая как ссорятся коты,
я обязательно о комнибудь скучаю.
и ночь считаю лучшим из времен,
в моем сформировавшемся сознании.
мы как то очень правильно живем,
раскапывая крохи мироздания,
мне хочется так много рассказать,
раскатывая буквы на бумаге.
но если честно, хочется поспать
и погулять во сне по старой Праге

не спрашивай меня, как я живу....

ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ
г. Москва

КОЛЫБЕЛЬ-РЕКА

Здесь печенегии грозили и половцы.
Здесь зарождалась и ширилась Скифия.
Праздники всех поражали весёлостью,
Битвы сказаньями стали и мифами.

Как же смешны наши страхи досужие!
Омуты зря нам на мелях мерещатся...
Лёгкая пена сплетается в кружево,
В плёсах мальки среброкрылые тешатся.

Ласково к телу волна прижимается,
Тронь, и покинет усталость сердечная.
Будет хворобами давними маяться!
Руки река протянула навстречу нам.

Всплесками, тихим журчанием, лепетом,
Шелестом сочной осоки у пристаней
Славится жизнь и привольное лето там,
Где прославлять его принято исстари.

В Волгу ступить – приобщенье великое.
Странники знают о том и прохожие.
Крестят водою в церквах, поелику и
Реки участвуют в таинстве Божиим.

Высь берегов, их пологость смиренная,
Белых обителей пенье стозвонное.
Всё отлетает больное и бренное,
Если молитва творится бессонная.

Жемчугом, шёлком, объятьями матери
Примет река нашу лодочку узкую.
Мы поплывём в предрассветную затемь
Вдоль деревень с камышовыми спусками...

ПУСТЫНЬКА*

Тоска по северу томит
Иначе, нежели по югу...
Порос травой по кровле скит,
Боками помня дождь и вьюгу.

Как в погреб, входишь в стылый дом.
От тишины здесь сводит скулы.
В потёмках двигаясь с трудом,
Ты узнаёшь буфет сутулый...

Букетик трав засох в сенях.
В окладе Спас в углу восточном.
Когда-то здесь старик монах
Творил молитву еженощно.

В селе расскажут: был хромым,
Неся с улыбкою увечье.
Встречая гостя в час зимы,
Сперва погреться звал у печки.

Не торопясь, готовил чай,
Храня спокойное молчанье.
Дрожала в зеркале свеча,
Как новой жизни обещаенье.

Он на тебя взглянул едва –
Душа раскрылась на ладони.
И рвутся горькие слова,
Как необъезженные кони.

Рассказ отчаянный затих.
Старик вихры твои погладит
И свой наивный детский стих
Прочтёт по кожаной тетради.

*Пустынь, пустынька – монашеский домик.

И всё прогорклое былё
Любовью старческой омыто,
Как белоснежное бельё
Из допотопного корыта.

Неподалёку от скита
В черничных дебрях крест сосновый.
А танец жёлтого листа –
Неслышный вальс для жизни новой.

...Минуту, две ли простоишь,
И дверь со вздохом запирая,
Ты в сердце обретаешь тишь
Сырого лиственного рая.

МЫ – КАК ТРАВА РОДНЫХ ПОЛЕЙ...

Мы – как трава родных полей,
Над нами ветер жизни волен.
Плывёт в беззвёздной вышине
На запад пена облаков...
С годами любится сильнее,
И ты любовью этой болен,
К забытой Богом стороне
Полынной памятью влеком.

К шумливым лиственным лесам,
Змеистым гаревым дорогам,
К ночной ноябрьской пустоте,
Февральской темени с утра,

И от чего – не знаешь сам,
Но в октябре живёт тревога,
Душа всё просится лететь,
Как птичьи стаи и ветра.

Далёкий звон колоколов
Томит тоской внезапной душу.
Ты вроде что-то позабыл
Или внезапно занемог...
Идёт тепло от вечных слов,
Однажды, срока не нарушив,
Приходит час струистых крыл,
К полёту выкликает Бог.

А дальше ровным косяком
Лежит наш светлый путь на небо,
И где-то участь решена,
И бьёт калиткой вестовой,
И горло схвачено комком,
И слаще нет простого хлеба,
Глотка червлёного вина,
Платка вослед над головой...

И перед тем, как сделав круг,
Навек умчатся от порога –
Ведь нам, как птицам, не дано
Весною выкормить птенцов –
Мы вспомним шёлк любимых рук,
В извилах пыльную дорогу,
Ольшаник раннею весной,
Из детства – матери лицо...

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ
г. Псков

* * *

Колокола звонят, колокола
Благую весть народу извещая
И радуется русская земля
На сотни вёрст, от края и до края.
И снова к храму тянется душа.
И крестный ход в ночи огнями светит.
Сильнее веры в Бога и добро
Наверно, нет на этом белом свете.

* * *

Милая и добрая, простая
Девочка, прошедшую войну.
Вы скажите, сила где такая,
Чтоб души измерить глубину?
Всё прошла: войну, разруху, голод.
Ей бы обозлиться на весь свет,
Но в душе не поселился холод,
А любовь на много-много лет.
Мудрая и добрая, седая,
Девочкой, прошедшая войну,
Цену жизни сердцем понимая,
Снова ждет победную весну.

АЛЕКСАНДР СЕБЕЖАНИН
г. Псков

МОЙ ПУТЬ

Мой путь теперь – нелёгкий и неблизкий:
В свой отчий дом, к заветному огню,
Чей свет храню, как облик материнский,
Как счастье детства дальнего храню.

В душе с годами – тихо, молчаливо...
Хоть до сих пор я слышу шорох звёзд,
И шёпот с детства мне знакомой нивы,
И тихий шелест отчих тех берёз!..

ПОЭТ

Кожа сброшена. Душа обнажена.
Разговор с Всевышним ты ведёшь.
Сознаёшь: сложна жизнь и грешна,
Не прямой дорогою идёшь.

Неприметен путь, лишённый прямизны
И душе на нём – безлюдье ощущать,
В кровь избитой, вовсе без вины,
Быть. Сгорая – только замерзать.

Но – взлетать до синей высоты!
Но – шалеть от жизни горевой!
Среди вечной звёздной немоты
Стих родить таинственно-живой!

РЕЧУШКА ВЕТЬ...

Речушка детства, тоненькая Веть,
Пришёл к тебе, родимая – приветь...
Немало исходил тропин, дорожек,
Но в мире нет реки, тебя дороже!

В июльский зной купались голышами
У берегов, поросших камышами;
Ключи у дна водой холодной били,
До ломоты в зубах ту воду пили.

Здесь по ночам в садки ловились раки,
А у костра рассказывались враки.
Здесь детство незаметно пролетало,
Мужская дружба силу обретала.

Подростком вновь сюда, к родной речушке,
Я приходил с любимой девчушкой
И до утра, под шум запруды звонкой,
Стоял, боясь руки коснуться тонкой...

Минуло столько длинных, разных лет!
Девчушки той со мной, конечно, нет,
Друзья из детства в мир ушли иной,
А ты всё также вьёшься под горой.

Тонка, как нить, речушка детства Веть.
Пришёл к тебе... Узнала ли – ответ?..

ЕСТЬ В РОССИИ МЕСТА

Есть в России места,
Где остались ещё до сих пор
Вековые леса,
Тихих рек родниковых напевность.
Там небес чистота –
Словно предков божественный взор,
Там ветров голоса
Нас зовут сквозь ожившую древность.

Здравствуй, старый Изборск!
Крепость витязем вольным стоит,
По просторам полей
Расстелилась заря, как порфира.
Время тает, как воск, –
Не сберёг даже солнечный щит
Этой сказки моей
От жестокого, глупого мира.

Мир – сжимает кулак,
Новой данности будто бы рад,
И кричит: «Ну и пусть!
Сам себя до предела разрушу!»
Всё не то и не так –
Где-то в прошлом потерянный лад.
Предосенняя грусть
Выстужает усталую душу.

Мне бы песню запеть,
Чтоб излить эту боль и печаль,
Чтобы в ночь до утра
Все горячие выплакать слёзы.

Но листвы круговерть
Заслоняет туманную даль,
И уносят ветра
В лёгких крыльях счастливые грёзы.

Золотые края!
Стены крепости гладит ладонь,
И не гаснет Любовь,
Как свеча на окне для привета.
Только Радость моя
Никогда ни придёт на огонь,
Оттого вновь и вновь
Одинок бродить мне по свету.

А дорога – пуста,
И над ней лишь дождей серебро
Да листва в цвет огня...
Но не нужно иного богатства –
Есть в России места,
Где по-прежнему верят в Добро,
Пуще ока храня
Милосердие, Дружбу и Братство.

* * *

Выйду вечером в чистое поле
Под ветров колокольный распев,
От любви, от безудержной воли
И от нежности вдруг захмелев.

Выйду тихо. Дорогою длинной
Мимо рощи пойду, посмотрю,
Как румяные девы-рябины
В поздний час провожают зарю,

Как леса закрывают ресницы,
Да стихает закат впереди...
Сердце бедное раненой птицей
В этот миг встрепенётся в груди

И защежит неясною грустью,
И о чём-то родном запоёт...
Ветер пахнет былинною Русью,
Что в душе от рожденья живёт.

Как бы ни было горько и больно,
Как бы руки ни связывал страх,
Только здесь – и отрадно, и вольно
Даже в самых тугих кандалах.

Кто-то в небо, как будто из плошки,
Звёзды ясные вылил, смеясь.
Побегу, подставляя ладошки
Под созвездий блестящую вязь.

Сколько б лет мимо ни проходило,
Веры в чудо душе не избыть.
Я бы всем по звезде подарила,
Чтобы нечего было делить;

Чтоб заветное слово сказалось
В этой звёздной, предзимней тиши,
Чтоб и пелось нам всем, и дышалось,
И любилося всегда – от души.

ИРИНА ЯНЕНСОН
г. Себеж

ЛЮБИМЫЙ ПСКОВ

Я так скучаю по тебе, мой Псков,
По жёлтым куполам и серым башням
И, кажется, как будто в день вчерашний
Бродила я среди твоих домов,

Шурша пожухлой пёстрою листвою,
Что разнесло по псковским тротуарам,
Ещё не отыскав себе здесь пару...
Мне было хорошо в тот миг одной.

Я полюбила, Псков, душой тебя,
Ты принял нерастраченную ласку
И окружил меня волшебной сказкой,
Пленил красой золотого октября.

Из окон я смотрелась в купола,
Сверкающие будто божьи слёзы,
Шептала им свои обиды, грёзы
И чуда в глубине души ждала.

Спускалась вниз по шумному мосту,
Откуда наблюдала за Великой,
И как носились чайки с диким криком,
Который было слышно за версту.

Дыханье затаивши каждый раз
Входила я в кремлёвские ворота,
Немного робко шла до поворота,
Внимая звоннице в урочный час.

Влюблённо глядя камни серых стен
Я представляла, как княгиня Ольга
Когда-то проживала здесь недолго,
Возможно, в ожиданьи перемен.

Глядела сквозь отверстия бойниц
И думала, что сам красавчик Невский
Бросал на порубежье взгляд свой резкий,
В раздумьях о надёжности границ.

Мой Псков, я так тоскую по тебе,
По мелодичным звонам колоколен...
Мне кажется, ты тоже не доволен
Разлукою печальною в Судьбе.

Люблю тебя во сне и наяву,
Уютно мне всегда в твоих объятьях
И для меня не будет полным счастье
Пока я от тебя вдали живу.

КУРГАН ДРУЖБЫ

Курган – реальный мир и ностальгия
По прошлому распавшейся страны,
Здесь – память о великих днях России,
И памятник минувшим дням войны.

Курган – тепло, надежда и доверье,
Седого ветерана добрый взгляд ...
Политиков игра и лицемерье
Не бросят тень на золото наград.

Курган – и боль, и гордость, и отрада,
Пределы государственных границ,
Торжественное шествие парада,
Слеза из-под опущенных ресниц.

Курган – история и слава наша,
Судьба, Святое Место, видит Бог,
Курган – терпенье и смиренность часа
На перекрёстке трёх святых дорог.

АНДРЕЙ ТЕДДЕР
г. Гдов

* * *

В не так, чтобы очень, но всё-таки древнем
Совсем небольшом городке на холмах,
Старинная церковь на паперти дремлет.
И дремлет весь мир у неё на плечах.

Когда-то паломники в толпы свивались,
И колокол рвали из рук звонаря.
И каялись, стопы попу целовали,
Робели коснуться рукой алтаря.

На Пасху над церковью небо синело,
Хотя бы вчера был и пасмурный день.
И каждый бросал своё главное дело
И прятал грехи под церковную сень.

Теперь тропы к церкви крапивой забиты.
На куполе свило гнездо вороньё,
И пелятся, полные смутных наитий,
Бездомные ангелы через окно.

ВАДИМ КОТОВ
Псковский район

* * *

В тени пылающих знамён
я не один, со мною двое –
Старик и мальчик в чистом поле,
где горизонт,
цветущий лён,
сливаясь с небом,
укрывает от старых, утомлённых глаз.
Ребёнок, словно в первый раз,
взор поднимает в облака
и видит красные полотна.
Их держит грязная рука...
Под этим занавесом, плотно
укрыто солнце.
Я смотрел на те скользящие фигуры;
Как весело шагал пострел
и плёлся, взгляд, понурился хмуро,
то, удаляясь от меня,
то, снова рядом появляясь,
седой, лохматый бородач.
И каждый раз, в разгаре дня
с небес свисающий кумач,
мне заслонял их силуэты.
И раздавался, детский плачь,
весны оторванной от лета.
Седой старик – зима моя,
с мальчишкой растворились в поле.
Один, как соловей в неволе, под вечер оставался я...

СПЕЦНАЗ

Облака вершины укрывали;
На тропе скрывались «духи» где-то,
Но пройти удастся им едва ли,
Если роте голубых беретов
Поступил приказ: – «Не брать живыми».
Нет невыполнимого приказа;
Если небо всюду рядом с ними;
ВДВ не дрогнуло ни разу.

Пусть в неравной схватке кровь прольётся,
Но десант особые ребята.
Сердце бьётся, значит, он прорвётся
И стеною встанет брат за брата.

Вот уже вертушка на подходе
И сердца минуты отбивают;
Выполнить приказ. Успеть. В работе
Никогда осечки не бывает;
И вернуться, всем вернуться вместе:
Бой прошёл в соответствии с уставом,
Все вернулись, кто-то грузом 200.
Взгляд бойцов был скорбным и усталым.
Не легко терять, ещё труднее
Сообщать об этом матерям,
Легче в бой, отдать долги сумеет,
Тот, кто друга, словно брата потерял.

Долго будут сниться эти горы;
Бодрый взгляд ушедших пацанов;

Скрежет передёрнутых затворов,
Рёв моторов и обрывки слов.
И поэтому в десанте нету бывших,
Эти парни научились дорожить
Памятью безвременно почивших,
С ними в сердце, продолжают жить.

* * *

*«От Стольтина, – ни проталины,
по сугробам плуаем, болотами».*

Небрежно расколотый красный кирпич
На нежные всходы прекрасных цветов
Брошен, как выбитый молотом клич,
В омуты настезь распахнутых ртов.

Брошен, подхвачен, утоплен в крови
Раненых, пышущих яростью душ.
Кубок удачи, тепла и любви
Выплеснут в лица играющим туш.

Острым и колким осколком беды
Врежутся в память руины церквей.
Вера слепая, сжигая труды,
Кроны и ветви лишила корней.

Стебель ласкает язык топора,
И сердцевина прогнила как зуб;
Маской, мерилом служила кора
И покосился истории сруб.

Пренебрежение к заветам отцов;
Стужа духовная – времени бич;
На нежные всходы прекрасных цветов
Брошен расколотый красный кирпич.

НИКОЛАЙ РАССАДИН
г. Псков

* * *

Семь цветов, семь дней, семь ручьёв, семь нот.
За семь долгих лет до красного понедельника,
С якорей снимался балтийский флот,
Поправляя крест нательный под тельником.

Проходя под радугой гряньте марш,
Впереди просоленных странствий месяцы,
Кто-то будет ядрами смолот в фарш,
Кто-то от тоски на рее повесится.

Бело-голубая соль четверга,
Выступит на каждой детали брига...
В Питере декабрь, мороз, снега,
В кабаке спивается поп-расстрига,

Этот ли кричал в паруса псалмы
И крестил кормы золотым распятием?
Если Бог позволит, вернёмся мы,
Обретём прощенье в его объятьях.

Воскресенье. Господи дай мне си...
Кожи цвет становится фиолетовым.
Семь цветов, семь дней – в один ком меси –
Семь ручьёв, семь нот, моряками спетыми.

ГУЛЯЕТ ТРЕТИЙ РИМ...

Теперь уже не в счёт долги и сплетни.
Теперь не важно трезв ты или пьян.
Нас не пугают ни петля, ни плети,
Ни самый омерзительный изъян.
Всё на виду, изнанкою наружу:
И подлость в плюс, и алчность не порок.
И храм искусства никому не нужен,

И храм науки никому не в прок.
И вот уже грядёт четвёртый всадник,
Но третий Рим не слышит стук копыт...
Гуляет плебс, и у богемы праздник,
А «римский консул», как младенец спит.

ИСХОДА НЕ БУДЕТ!

Не будет исхода, «египет», ликуй,
Мы строим твои «пирамиды».
Их будет немало на нашем веку,
Ступенями в царство Аида.

Нам эти постройки милее пенат.
Нам рабство дороже свободы.
Суровой бедой обернулась вина,
На долгие, долгие годы.

Ещё «моисей» не родился на свет.
«Иосиф» понятнее судит...
Не будет исхода, коль пастыря нет,
Живите, исхода не будет!

МЕНЯ ТАМ НЕТ

Там нет меня, там хорошо!
Меня не поминают всуе,
С тех пор, как я от них ушёл.
И те, кто без меня, ликуют.

Я им помехой был всегда,
Не то писал, не тех лелеял.
Моей виной была беда
Любая в этой Галлилее.

А камень, брошенный мне вслед,
Стал наивысшею наградой.
Там хорошо, меня там нет,
Ну, и наверное, не надо.

ИГОРЬ ПЛОХОВ
г.Псков

* * *

Есть и входящие и исходящие –
всё это – фикция серого города,
есть Интернет – пасть мильёноголовая –
может во сне что-то выпрет звенящее...

Сплю – сновидения – странные триллеры:
Прячусь, бегу от кого-то в развалинах...
Вот просыпаюсь в ознобе – здесь Мир и Мы –
Вроде бы вместе, но, как-то, раздраены...

Город проснулся, машины захрюкали,
душ принимаю – водица горячая...
Мир оживает далёкими звуками,
запахом кофе, запахом чая...

Вот и компьютер: включаю, вливаюсь
в это окошко таинственной связи
с янки, французом, китайцем и майя –
всем белым светом сейчас, в одночасье!

Прёт производная мир в бесконечность –
темп: де-наука делить на де-время...
Там – сингулярность – падение в вечность –
Апокалипсис или Спасенье?...

* * *

Заманила меня, завернула в подол
Понесла как дитя через пашню и луг,
Я пицал и кричал, пил капустный рассол,
Но, не вырваться парню из ласковых рук.

Где вы ночи мои, где вы песни и пляс –
Скоро внуки родятся у милой моей.
Я в семейной утробе по уши увяз –
Мы живем хорошо, мы живём как ручей,

Что имеет начало у двух родников,
Где случаются споры зелёных ветвей,
Где спадает на землю проклятье оков,
И немеет рука от сплошных козырей –

Эти козыри: я, плюс она, плюс Душа –
Мы, возможно, едины, а может быть – нет,
Но прозрачны углы моего шалаша,
И на окнах морозом написан ответ...

* * *

Осторожная поступь завтра
Запланирована сегодня,
Но звучит с минарета мантра...
И родится Огонь Господний... –

Так на всех этажах Вселенной
Происходит движенье роста:
Здесь Есенин взрезает вены,
Док себя заражает оспой...

Из коллайдера лезут кварки,
Люди ищут частицу бога,
А Алису в зелёном парке
Ждёт влюблённый в неё Серёга...

АНАСТАСИЯ САМОФРАЛИЙСКАЯ
г. Смоленск

* * *

Как перепутано всё в этом мире:
Кто первый, кто второй не разобрать.
Служили оба музыкальной лире,
Кого же надо правильно назвать?

Кто русской оперы стал истинный создатель?
Смоленск и Псков соперничают в том:
Толь Яхонтов – Державина приятель
Толь Глинка, что был с Пушкиным знаком?

А может вдохновение, как птица,
Задев крылом чуть одного из них,
Дождём явилось над другим пролиться
В случайный, но прекрасный миг.

И женщины молоденькой мечтанья,
Что Яхонтов когда-то записал
Легли в основу дивного созданья,
Явив Людмилы Глинке идеал.

Кто первый, кто второй совсем не важно.
Лишь время может точный дать ответ,
След в этом мире оставляет каждый,
Но важно каким будет этот след.

1991 ГОД

Вошла во тьму разодранной на части
Огромная, великая страна.
Нам не нужны советы и участие
Тех, кто довёл её почти до дна.
Нам суждено быть в бабках – побирушках,
Нас, как добычу делят меж собой,
Но мы ещё не дряхлые старушки
И сможем повертеть ещё судьбой.
Мы пережили вражеское иго.
Татары, налетев, как саранча,
Сметали всё с земли живого лика
Безжалостными взмахами меча.
И воды рек сливались с тёплой кровью,
И алой на траве была роса.
Война дала в наследство долю вдовью,
А детям тёмно-карие глаза.
И раз в сто лет надменная Европа
Приходит землю русскую топтать.
Французских лошадей лес слышит топот,
Немецких танков отражает рать.
Вошла во тьму разодранной на части
Огромная, великая страна,
Но раздавить её не хватит власти,
Не хватит силы довести до дна.

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ
г. Великие Луки

ЗВОНАРЬ...
*палиндромон...**

Велимиру Хлебникову посвящается...

«Взводень звонов, кузов звуков, –
Звать, звучать, звенеть, звонить!
Кто он, звоном заукав,
Хочет ночью заморочить,
В зелень звуков заманить?»
Валерий Брюсов «Взводень звонов»

Нов звон.
Радуй удар.
Гударь радуг.
Веры рёв.
Но в зареве вера, звон...
Вид зев звонарь, рано взвездив.
Мало колоколим – мило колоколам.
Иней гиени.
Летела летель
Молебен сне белом.
Лепо рот оторопел.
А хулой олуха.
Лето потел.
Но в зареве вера, звон...
Вид зев звонарь, рано взвездив.
Мало колоколим – мило колоколам.
Веры рёв.
Гударь радуг.
Радуй удар.
Нов звон.

НАТАЛЬЯ МОРОЗОВА
г. Остров

ПЯТАК

Шумит-звенит монетный двор
с грехопаденья до сих пор,
в цилиндре черном кредитор
без милосердия
кладет помпезно пятаки
в ладонь протянутой руки.
Потом их сколько ни крути –
монетки медные.

Не разменяешь, не пропьешь,
посмотришь, но вертятся, как вошь,
в карман положишь чертов грош –
проценты бременем.
Смикитишь, если не дурак,
что раздают не просто так,
на решке выбит царский знак –
ловушка древняя.

Мораль сей басни такова:
(хоть и грешны мои слова)
орел чеканный круче льва
в трех измерениях.
Я не была в других местах,
но точно знаю, мой пятак
(минуточку – рояль в кустах)
лежит! и хрен бы с ним!

***Комментарий автора:** это видеостих, поэтому так представлен автором. Если вы внимательно посмотрите, то строчки образуют форму колоколов...

И ПАДАЛ СНЕГ

Покорно шли стада за пастухом
по горным кручам, уходящим в Лету,
вдыхая воздух праведных рассветов
и каюсь каждым шагом о былом.
Мой город спал. В объятьях тишины
широких улиц каменные стены
достать пытались краешка вселенной,
но таяли как утренние сны.
И падал снег, как падала листва,
запятнанная проблесками неба,
пропахшего последней крошкой хлеба
и каплями парного молока.

Доверчивые шли за пастухом,
наверх взбираясь, с каждым шагом выше,
но закрывала каменная крыша
и сад манящий, и дорогу в дом.
Касалось окон белое руно.
Казался путь большим, а время малым
для путников зимы. В глазах усталых
тонуло солнце, падая на дно.

Печально падал снег. Спала земля
с молчаньем робким беглого ягнёнка,
а неба голубого распашонка
младенца синеглазого ждала.

ЛИНИИ ЖИЗНИ

Стайки воробышек... голые веточки,
капля за каплей – в бездонную землю.
Крепко спят мальчики, сладко спят девочки,
дождь укачал их в своей колыбели.

Осень медвежья. Под бурою шкурой
дышу жадно-жадно спелостью лета.
Новый рассвет, ностальгично прокуренный,
ждет по привычке, не зная об этом.

Мятно и зелено – где-то потеряны,
в линиях жизни пугливо неровных –
несовпадение, немилость, неверие
дальней страны, где живу я сегодня.

Тяжестью солнца склоняются веточки,
падают бусины в мякоть ладоней –
крепко спят мальчики, сладко спят девочки.
Осень медвежья не скоро их тронет.

ОТ КРЕСТА ДО КРЕСТА

Пешим по глине, по снегу ли конным –
с ветром слепым от креста до креста.
Рыжие псы по небесному склону
гонят добычу в глухие места.

Солнечный гребень скользит по изгибам
белой реки, но холодная страсть
млечно стекает по облачным гривам,
на неподвижную землю ложась.

Рыбы проснутся, в стремнине игристой
двинутся в путь, обходя валуны,
вспомнят «отныне, вовеки и присно»,
чувствуя телом начало волны.

В дебрях сознания – даль с перезвоном,
золотом льется с небес красота.
Цвет незабудковый вписан в икону
именем, как от креста до креста.

СОДЕРЖАНИЕ

В качестве предисловия... 3	СВЕТЛАНА КОНЕВА
ВИКТОР КИРЮШИН	Баллада о читых полях 20
Дом..... 4	Поездка по старой
Станция Слеза 5	просёлочной дороге в
Фронтовики..... 6	Псковской области 22
Временна..... 6	ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛИН
Донбасс 2014 7	Май, сирень, Победа 23
ВЛАДИМИР САВИНОВ	Весна 1914 23
Донбасс. «Перемирие» 8	Изборск..... 24
Неизвестности нет,	ВЕРА СУХАНОВА
если память хранит..... 9	Руковторный Везувий 25
НАТАЛЬЯ ЛАВРЕЦОВА	Чудо Гергия 26
Двум маршалам 10	Меркурий Смоленский..... 27
ИВАН ИВАНОВ	ВЛАД ПАВЛОВСКИЙ
Звёзды 12	«Дождило на Покрова...» 28
Май 1944 года 12	«Гламурные дивы пускай
Его судьба 13	говорят...»..... 29
ЛЮДМИЛА ТИШАЕВА	Фитилёк 29
Твой Псков..... 14	В закат 31
Остановите войну, сыны..... 15	АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
ИГОРЬ ИСАЕВЪ	Вспомним ли мы? 32
«Они свое отвоевали...»..... 17	В этом городе 32
«Некуда бежать...»..... 18	Времена..... 34
«Взаимности не требовать	ЮЛИЯ КРЫЛОВА
взамен» 19	«Мальчики режутся
	в танчики...» 35

«И льется песня ржавую	
водою...» 35	
Прогулка 36	

ВИТА ПШЕНИЧНАЯ

«Так, глядишь, разговорами	
себя тормоза...» 37	
«Я не знаю, чем тебе	
ответить на упрёк...» 37	
«На Парнасе бродят	
темы...» 38	

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

«Тучное небо над старым	
железным вокзалом...» 39	
«Для будущих ёлок	
в Германии вам...»..... 39	
«Мне кажется, если к тебе	
прикоснуться словами...» 40	

ЕКАТЕРИНА КИРИЛОВА

Вальс на войне 41	
Честь имею!..... 42	

НАТАЛЬЯ СТРАХОВА-ХЛУДОК

Книга памяти 43	
-----------------------	--

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВА

«Увы, нет мира под	
луною...» 45	
«Нас все пытаются	
уверить...»..... 45	
«Летний полдень на стыке	
веков...»..... 46	

ОЛЬГА КОРОЛЕВА

Средневековье. Русь.	
Перед весной..... 47	
Юрьев монастырь	
в Новгороде 47	

Монастырь на западе	
России 48	
Усвяты..... 49	

ТАМАРА КАНИВЕЦ

Откуда есть и пошла 50	
------------------------------	--

ЗИНАИДА ВАРЛЫГИНА

Восстанавливая	
родословную..... 54	
Калязинская Колокольня..... 55	
«Где вы, юноши, где вы...»..... 56	

ЛЮДМИЛА ПИСАРЬ

В день Святого Онуфрия 57	
---------------------------------	--

МАРИЯ ПАРАМОНОВА

Во имя добра..... 58	
Мой дед 59	

АЛЕКСАНДРА ИРБЕ

«Если завтра война...» 60	
Прежним рабочим..... 61	
Тишины 62	

НАДЕЖДА КАМЯНЧУК

Сергею Есенину 64	
Не проси 65	
Ни дороги, ни тропы 65	

ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА	«Крыша у избы съехала папай...» 81	ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ	«Небрежно расколотый красный кирпич...» 113
Таврика 66	«Хоть с детства я здесь живу...» 82	Колыбель-река 98	НИКОЛАЙ РАССАДИН
Прохоровское поле. Июнь, июль, август 66	Словенские ключи 82	Пустынька 99	«Семь цветов, семь дней, семь ручьёв, семь нот...» 114
И падал снег на блиндажи 67	Крыпецкий монастырь 83	ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ	Гуляет Третий Рим 114
НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ	СЕРГЕЙ ГОРШКОВ	«Колокола звонят, колокола...» 101	Исхода не будет 115
Подрана 68	Старец 84	«Милая и добрая, простая...» 102	Меня там нет! 115
Приближение 68	Летний сад. Поздняя осень 85	АЛЕКСАНДР СЕБЕЖАНИН	ИГОРЬ ПЛОХОВ
С думой об Украине 69	Солдаты пера 86	Мой путь 103	«Есть и входящие и исходящие...» 116
Жара 70	ИГОРЬ ГОРИЧ	Поэт 103	«Заманила меня, завернула в подол...» 116
АНДРЕЙ БЕНИАМИНОВ	«Если взглянете вы по ту сторону зла...» 87	Речушка Веть 104	«Осторожная поступь завтра...» 117
«Время понимать и принимать...» 71	«Порой на расстояньи клика...» 87	МАРИНА ЦАРЬ ВОЛКОВА	АНАСТАСИЯ САМОФРАЛИЙСКАЯ
«Брошенный сквозь века...» .. 71	Диванные войска 88	Есть в России места 105	«Как перепутано всё в этом мире...» 118
Чёрный Вир 72	АЛЁНА ЖЕГЛОВА	«Выйду вечером в чистое поле...» 106	1991 год 119
ВЛАДИМИР КОРОЛЁВ	Изборяне 89	ИРИНА ЯНЕНСОН	ВЛАДИМИР ПАВЛОВ
Вечный огонь 73	Мой город 90	Любимый Псков 108	Звонарь 120
Судьба 73	На террасе Памира 91	Курган дружбы 109	НАТАЛЬЯ МОРОЗОВА
Родники 74	АРТУР ГАЙДУК	АНДРЕЙ ТЕДДЕР	Пятак 121
ЛАРИНА ФЕДОТОВА	Ветра и туманы 93	«В не так, чтобы очень, но всё-таки древнем...» 110	И падал снег 122
Отголоски 75	Парафраз 93	ВАДИМ КОТОВ	Линии жизни 122
Русский мир 76	«Прожить за миг и умирать в веках...» 94	«В тени пылающих знамён...» 111	От креста до креста 123
Если б не война 77	АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ	Спецназ 112	
ТАМАРА СОЛОВЬЁВА	«Утешайся, какими-нибудь непонятными текстами...» ... 95		
Пылающий Донбасс 78	«Мы никогда не увидимся...» .. 96		
И бысть сеча зла 79	«Не спрашивай меня, как я живу...» 97		
Серого больше, чем синего ... 80			
ТАТЬЯНА ГОРЕЛИКОВА			
«Рассвет над городом моим...» 81			

ПСКОВСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПОРТАЛ

<http://pskovpisatel.ru>

Словенское поле – 2015

Стихи

Подписано в печать 00.00.2016 г. Формат 60x88/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Объем 8 п. л.

Заказ № 477. Тираж 250 экз.

ГППО «Псковская областная типография»

180004, г. Псков, ул. Ротная, 34